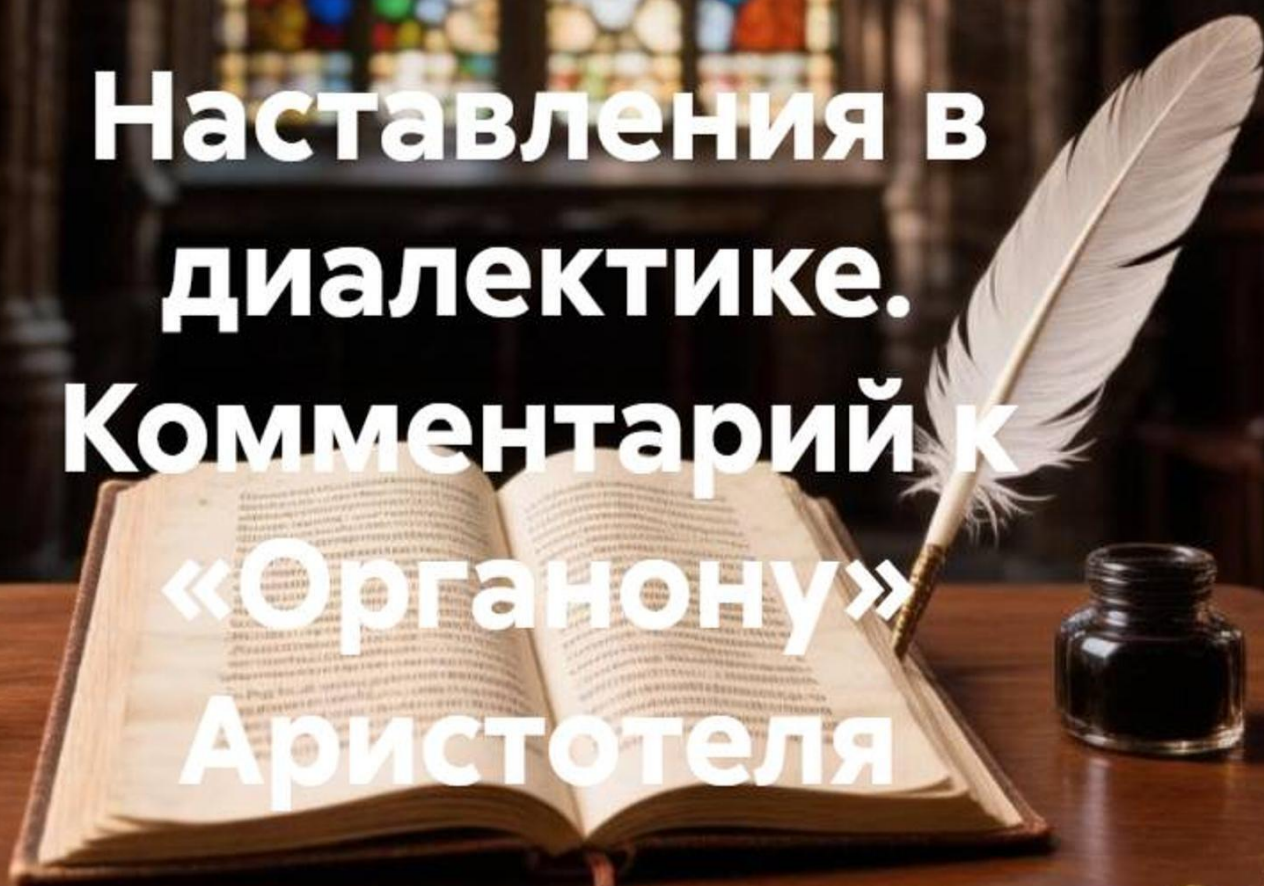

**Педру да
Фонсека**

**Наставления в
диалектике.
Комментарий к
«Органону»
Аристотеля**

Комментарий к Метафизике Аристотеля

Педру да Фонсека

**Наставления в диалектике.
Комментарий к
«Органону» Аристотеля**

«Автор»

2026

да Фонсека П.

Наставления в диалектике. Комментарий к «Органону» Аристотеля
/ П. да Фонсека — «Автор», 2026 — (Комментарий к
Метафизике Аристотеля)

Трактат состоит из восьми книг и использовался как официальное учебное пособие в иезуитских коллегиях по всему миру. Он был настолько популярен, что только в Кёльне до 1600 года выдержал девять изданий . «Ratio Studiorum» (устав иезуитских школ) прямо предписывал преподавать логику по Толедо или по Фонсеке .Хотя формально это комментарий к «Органону» Аристотеля, Фонсека не просто пересказывал Стагирита. Исследователи отмечают, что он «мыслит оригинально и независимо, отнюдь не следуя Аристотелю там, где имеет собственное мнение» . Там, где Аристотель ограничивался примерами, Фонсека формулировал общие правила; разрозненные суждения он собирал в единую систему. Именно это сочетание педагогической ясности и философской глубины сделало «Наставления» одним из самых влиятельных логических сочинений позднего Ренессанса.

Содержание

Введение	6
КОММЕНТАРИИ КОЛЛЕГИИ КОНИМБРЫ ОБЩЕСТВА ИИСУСА.	9
К КНИГАМ «МЕТАФИЗИКИ» АРИСТОТЕЛЯ СТАГИРИТА.	9
Книгопродавец читателю.	10
Непобедимейшему королю португалии Себастиану. Пётр Фонсека из общества Иисуса.	11
Наставление читателю.	13
Предисловие к «Наставлениям в диалектике»	16
Пётр Фонсека — Читателю	16
Аргумент ко всем книгам.	18
«Наставлений в диалектике».	19
Книга первая.	19
Глава I. О необходимости имён из природы этого искусства.	19
Глава II. О том, что определение диалектики, взятое из «Топики», не подходит ко всему этому искусству.	20
Глава III. О предмете диалектики.	21
Глава IV. О трёх общих способах рассуждения и трёх первых частях диалектики.	22
Глава V. О том, что Аристотель по установлению передал только третью часть диалектики.	23
Глава VI. О частях и порядке изложения диалектики.	24
Глава VII. О том, об именах и глаголах какого рода следует рассуждать.	25
Глава VIII. О знаках формальных и инструментальных.	26
Глава IX. О знаках естественных и по установлению.	27
Глава X. Каким образом обозначают понятия, голоса и письмена.	28
Глава XI. О среднем и последнем понятии.	29
Глава XII. Об имени.	30
Глава XIII. Обозначают ли все части сами по себе в самой структуре целого слова.	31
Глава XIV. О глаголе.	32
Глава XV. О том, что сводится к имени и глаголу.	34
Глава XVI. Являются ли незначащие голоса частями речи.	35
Глава XVII. Перечисляются различные наименования имён и глаголов.	36
Глава XVIII. Об имени: каким образом оно охватывает глаголы и все остальные категоремы.	37
Глава XIX. Об именах, эквивокальных по случаю.	38
Глава XX. Об именах, эквивокальных по намерению, или аналогичных.	39
Глава XXI. Об унивокальных именах.	40
Глава XXII. Сравняются между собой эквивокальные по случаю, аналогичные и унивокальные.	41
Глава XXIII. Об имени конкретном и абстрактном.	42
Глава XXIV. Об имени коннотативном и абсолютном.	43
Глава XXV. Об имени деноминативном и деноминирующем.	45

Глава XXVI. Об имени общем и единичном.	47
Глава XXVII. Разрешаются некоторые возражения против определения общего имени.	48
Глава XXVIII. Об имени трансцендентном и нетрансцендентном.	49
Глава XXIX. Об имени положительном и отрицательном.	50
Глава XXX. Разрешаются некоторые возражения против определения отрицательного имени.	51
Глава XXXI. Об именах, противоречащих и непротиворечащих.	52
Глава XXXII. Об именах первого и второго намерения, которые называются также первого и второго наложения.	53
Книга вторая.	54
Глава I. Что следует делать в этой книге; и что такое общее.	54
Глава II. Общее сказывается многими способами.	55
Глава III. О роде.	56
Глава IIII. О виде.	57
Глава V. О различии.	58
Глава VI. О собственном.	59
Глава VII. О привходящем	60
Глава VIII. Что такое предикамент.	61
Глава IX. Что предикаментов десять и что всё, кроме Бога всеблагого и величайшего, некоторым образом относится к ним.	62
Глава X. О субстанции.	63
Глава XI. О количестве.	64
Глава XII. О качестве	65
Глава XIII. Об отношении.	66
Глава XIII. О действии и страдании.	67
Глава XV. Что такое «где» и «быть в положении».	68
Глава XVI. Что такое «когда» и «иметь».	69
Глава XVII. О противоположных.	70
Книга третья.	72
Глава I. Что такое речь.	72
Глава II. О совершенных и несовершенных речах.	73
Глава III. О высказывании и его делении на простые и соединённые, а простых — на абсолютные и модальные.	74
Глава IIII. О качестве, количестве и материи абсолютных высказываний.	75
Глава V. Различные роды абсолютных высказываний.	76
Глава VI. О противоположении абсолютных высказываний.	79
Противоположение абсолютных (категорических) высказываний	81
Глава VII. О равнозначности высказываний о присущем.	82
Глава VIII. Об обращении абсолютных высказываний.	83
Глава IX. Сколько родов и формул модальных высказываний.	84
Глава X. О качестве, количестве и материи модальных.	85
Глава XI. О противоположении модальных.	87
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Наставления в диалектике. Комментарий к «Органону» Аристотеля

Введение

Педру да Фонсека (Pedro da Fonseca, 1528–1599) — португальский иезуит, философ и теолог, один из ключевых представителей «второй схоластики». Его часто называют «португальским Аристотелем».

Биография и карьера

Фонсека родился 17 марта 1528 года в местечке Пруэнса-а-Нова (тогда Кортисада) в Португалии. В 1548 году он вступил в Общество Иисуса.

Он получил образование в университетах Коимбры и Эворы, где его наставником был доминиканец Бартоломеу Фернандеш. В дальнейшем Фонсека сам преподавал философию и теологию в Коимбском университете.

Его карьера была тесно связана с управлением орденом и образованием:

- **Руководящие посты:** Он занимал должности провинциала и помощника генерала ордена иезуитов Клаудио Аквавивы.

- **Советник папы:** В период с 1572 по 1585 год Фонсека был советником папы Григория XIII.

- **Реформатор:** Он также входил в комитет, учреждённый испанским королём Филиппом II для реформирования Португалии.

Скончался Фонсека 4 ноября 1599 года в Лиссабоне.

Вклад в философию и образование

Фонсека сыграл ключевую роль в становлении иезуитской системы образования. Он участвовал в разработке **«Ratio Studiorum»** — документа, который на столетия определил стандарты обучения в иезуитских коллегиях по всему миру.

Кроме того, он стоял у истоков знаменитого **«Коимбрского курса»** (Cursus Conimbricensis) — многотомного комментария к Аристотелю, который стал основным учебником философии для многих университетов Европы в XVII веке.

Основные труды

Наиболее значимыми работами Фонсеки являются:

1. **«Наставления в диалектике»** (Institutionum Dialecticarum Libri Octo, 1564) — учебник логики, который стал невероятно популярным. Только в Кёльне до 1600 года он выдержал девять изданий. Этот труд был официально рекомендован в «Ratio Studiorum».

2. **«Комментарии на Метафизику Аристотеля»** (Commentariorum in Libros Metaphysicorum Aristotelis, 1577–1612) — главный философский труд Фонсеки, над которым он работал много лет. Он представляет собой параллельный греко-латинский текст «Метафизики» с развёрнутыми комментариями.

3. **«Философское введение»** (Isagoge Philosophica, 1591) — ещё один учебный курс, который также пользовался успехом.

Фонсека оказал значительное влияние на последующую философию, включая таких мыслителей, как Франсиско Суарес и Готфрид Лейбниц. Его труды представляют собой попытку синтеза томизма, скотизма и номинализма в рамках обновлённой схоластической традиции.

Трактат «Наставления в диалектике» (Institutionum Dialecticarum Libri Octo) занимает особое место в творчестве португальского иезуита Педру да Фонсеки (1528–1599). Если его незаконченные «Комментарии на Метафизику Аристотеля» представляют собой монументальный вклад в метафизику, то «Наставления» — это прежде всего педагогический труд, создан-

ный для нужд быстро растущей системы иезуитского образования. Именно это сочинение принесло Фонсеке европейскую известность: за первые семьдесят лет после первой публикации (1564) оно выдержало более пятидесяти переизданий и было официально рекомендовано в качестве учебника логики в «Ratio Studiorum» — нормативном документе, регулировавшем всю систему иезуитского образования.

Историко-педагогический контекст

К середине XVI века иезуитский орден столкнулся с острой необходимостью в собственных учебных пособиях. Хотя Аристотель оставался безусловным авторитетом, его тексты были сложны для студентов, а средневековые комментарии — громоздки и зачастую противоречивы. Фонсека, занимавший должности в университетах Коимбры и Эворы и участвовавший в разработке образовательной программы ордена, взял на себя задачу создать такой учебник логики, который был бы одновременно верен аристотелевской традиции, ясен для начинающих и достаточно краток, чтобы уложиться в рамки академического года.

«Ratio Studiorum» 1599 года предписывал преподавать логику «либо по Толедо, либо по Фонсеке», не уточняя названия трудов — показатель того, насколько широко эти имена ассоциировались с определенным стандартом преподавания. Первое издание «Наставлений» вышло в Лиссабоне в 1564 году; затем последовали многочисленные переиздания в Кёльне, Лионе, Ингольштадте и других европейских городах. Только в одном Кёльне до 1600 года вышло девять изданий, что составляло около 9% всего немецкого книжного рынка.

Структура трактата

«Наставления в диалектике» состоят из восьми книг, каждая из которых соответствует определенному этапу обучения. Структура трактата отражает постепенное восхождение от элементарных понятий к сложным формам рассуждения:

Книга первая: Основы диалектики

В тридцати двух главах Фонсека определяет природу диалектики как искусства рассуждения, анализирует имя и глагол как фундаментальные элементы речи и рассматривает различные наименования имен (эквивокальные, унивокальные, конкретные, абстрактные, коннотативные и т. д.).

Книга вторая: Предикаменты

В шестнадцати главах излагается учение о десяти категориях, а также предваряющее его учение о пяти универсалиях (род, вид, различие, собственное, привходящее).

Книга третья: Высказывание

Двадцать семь глав посвящены различным формам высказывания: простым и соединенным, абсолютным и модальным, их противоположению, равнозначности и обращению.

Книга четвертая: Деление

Тринадцать глав трактуют метод деления, его роды и правила.

Книга пятая: Определение

Тринадцать глав рассматривают определение, его виды и способы исследования.

Книга шестая: Аргументация

Тридцать шесть глав посвящены четырем основным родам аргументации (силлогизм, энтимема, индукция, пример) и общему пути нахождения среднего термина.

Книга седьмая: Демонстрация и диалектический силлогизм

Сорок четыре главы трактуют доказательство, диалектический силлогизм, места (*loci*), из которых извлекаются аргументы, и порядок аргументов.

Книга восьмая: Софистические опровержения

Сорок две главы посвящены псевдографическому и софистическому силлогизмам, а также — что особенно важно — учению о *suppositio* (подстановке) и других свойствах имен.

Метод и особенности

Фонсека не ограничивается простым пересказом Аристотеля. Как отмечают исследователи, он «мыслит оригинально и независимо, отнюдь не следуя Аристотелю там, где имеет собственное мнение». Там, где Стагирит ограничивался примерами, Фонсека формулирует общие правила; там, где материал был разбросан, он собирает его в единую систему. Латинский перевод «Органона» отличается изяществом, а комментарии используют практически весь материал средневековой логики.

Особого внимания заслуживает учение о *suppositio* (лат. — «подстановка», «подставление»), изложенное в восьмой книге. Фонсека рассматривает это как необходимый инструмент для разрешения софистических уловок: «как те, кто считает на камешках, если не знают, что каждый камешек значит на своём месте, легко обманываются, так и те, кто спорит, если не понимают, вместо каких вещей и каким образом в речи подставляются слова... без труда будут обмануты и уловлены» (из текста трактата). Он описывает различные виды подстановки — собственную и несобственную, простую, персональную и абсолютную, распределительную и определённую — и формулирует правила для их распознавания.

Философское значение

Хотя «Наставления» задумывались как учебник, их значение выходит за рамки педагогики. Фонсека разрабатывает логику, которая, по мнению исследователей, демонстрирует «поиск интеграции схоластических традиций — томизма, скотизма и номинализма — и открывает перспективы для диалога между схоластической и современной мыслью». Логика Фонсеки ориентирована на реальность конкретного, единичного сущего, а не на отвлеченные сущности, что делает ее применимой к анализу действительности в ее исторической и экзистенциальной динамике.

В этом смысле «Наставления в диалектике» представляют собой не просто учебник, но и философское произведение, в котором логические инструменты служат более широкой задаче — построению системы знания, способной охватить как божественные, так и человеческие вещи. Именно этот синтез педагогической ясности и философской глубины сделал трактат Фонсеки одним из самых влиятельных логических сочинений позднего Ренессанса.

**КОММЕНТАРИИ КОЛЛЕГИИ
КОНИМБРЫ ОБЩЕСТВА ИИСУСА.**

**К КНИГАМ «МЕТАФИЗИКИ»
АРИСТОТЕЛЯ СТАГИРИТА.**

Содержит сей том изъяснение первых четырёх книг.

С величайшим трудом очищен от ошибок, вкравшихся в предыдущие издания.

Книгопродавец читателю.

Если кто-либо (любезный читатель) удивится, что помещённая здесь, в самом начале этого труда, книжица Петра Фонсеки «Наставления в диалектике» столь далеко отстоит от своих мест, насколько грубое знание диалектических правил отличается от тонкого и отвлечённого созерцания Первой философии, — пусть знает, что это сделано мною по трём причинам. Ибо поскольку все сочинения этого автора, совершенные по дарованию и обработанные с усердием, не могли быть изъяты без большого ущерба для государства, и поскольку мы — тем духом, который всегда вёл его к созданию новых трудов подобного рода, — уже выпустили в свет римским шрифтом второй том «Метафизики», а теперь передали нашему государству (как я полагаю, не без благодарности) вновь исправленную, насколько это было в наших силах, первую его часть, — мы тотчас принялись за неё; она была уже не раз издана и из-за превратного ума зложелателей или небрежности невежд в более тонком её изучении во многих местах искажена, а теперь восстановлена великими трудами учёного мужа, члена того же Общества, что и автор. Когда я увидел, что дело идёт согласно желанию, тотчас мысль моя обратилась к более высокому — а именно к «Наставлениям в диалектике», изданным лишь однажды галльским шрифтом и сильно желаемым учёными мужами, — и я замыслил издать их вместе с ними. К начатому делу прибавило духу пространное рассуждение о предмете диалектики и тщательное (как сам автор свидетельствует, оно предполагает зрелое её познание), содержащееся в этом томе. Здесь же дано более пространное изъяснение противоречащих и противоположных высказываний, что собственно диалектике и принадлежит. Наконец, и не желающего, и колеблющегося увлекло величайшее усердие автора в обработке диалектики: всё, что у Аристотеля изложено во многих книгах и с докучливой пространностью, он сжал с такой краткостью и тонкостью, какой не достиг никто из предшественников, и столь лёгким методом, что читателю этих наставлений (если бы не мешала древность мужа) чтение Аристотеля показалось бы почти бесполезным. Если я увижу, что этот труд тебе угоден, меня охватит желание собрать и издать новые труды, которые постепенно будут рождаться у этого столь возвышенного по дарованию мужа и у других, соединённых тем же усердием, — труды, полезные для государства. Прощай.

Непобедимейшему королю португалии Себастиану. Пётр Фонсека из общества Иисуса.

Хотя все украшения возвышенного духа и истинно царского достоинства в тебе блистательны и достойны всеобщего удивления, непобедимейший король, однако особенно и преимущественно то есть — и почти собственно твоему величеству присуще, — что, родившись в таком счастье (так скажу), что никогда не помнишь себя не-королём, ты тем не менее так полюбил наставление учителя, которое и частному человеку обычно бывает тягостно, что превзошёл в учёности не только всех твоих предков, которых царское величие отделило от общего образа человеческой жизни, но и многих из тех, кто всецело посвятил себя изучению словесности. И поистине одного этого мне было бы довольно, чтобы посвятить тебе эти ночные труды по Первой философии, тем более что я знаю: наши «Наставления в диалектике» в то время, когда тебе преподавались начатки этого искусства, не только понравились, но и пригодились. Но меня побудила к тому и другая причина, и вообще принудила. Ибо поскольку этот писательский труд, который я приношу на общую пользу, был некогда возложен на меня преимущественно ради того, чтобы я — помимо тех трудов, которые я некогда положил на возделывание двух знаменитых академий, Конимбрской и Эворской (первая основана прежними королями, а тобою великолепно расширена и прославлена; вторая превосходно учреждена светлейшим дядей твоим, кардиналом Генрихом, и принята под твоё покровительство и защиту) — принёс пользу и этим способом: то я был бы забывчив к долгу моего духа, если бы не посвятил твоему величеству предпринятый и завершённый труд. Но зачем я ищу частные причины этого дела, когда этот царский дом держит всех нас связанными и обязанными вечными благодеяниями? Ибо он первый принял наше рождающееся Общество, благожелательно согрел его, едва nascendi и едва связное само по себе; а возмужавшее не перестаёт украшать и расширять новыми благодеяниями. Едва ведь первые возделыватели и как бы родители этого нашего установления соединились в одну семью властью Апостольского престола, как твой дед, блаженной памяти Иоанн III, будучи ревностнейшим в деле распространения религии, сначала призвал всех из Рима в Португалию и всячески старался привлечь. Затем, поскольку Божиим провидением было определено, чтобы эта малая горсть разделилась и на другие области мира, когда он получил лишь двоих, одного он послал в широчайшие области Индии, как на войну; другого удержал при себе, чтобы он и делу Португалии, более направленному к благочестию, приложил своё старание, и заботился о посылке новых воинских подкреплений в те провинции, отдалённейшие от нашего мира. Из этого дела ясно, какое — не только отнюдь не малое для этого Общества, но и для всей христианской республики — произошло приращение. Ибо и трудами того — почти бесчисленное множество индийцев и японцев приняло имя Христово; и усердием этого достигнуто, чтобы были учреждены обширные рассадники делателей на винограднике Христовом: из них главнейшие — Конимбрский, который, как по происхождению во всём Обществе первый, так и всем прочим далеко величайший; второй — Эворский, никому из остальных — ни величиной, ни знатностью занятий — не уступающий. Какие при этом блага добрый король присоединил к нашему Обществу — и благодати, и покровительства; сколько и каких памятников своего расположения к нам оставил — свидетели и внешние народы, которых его благочестие не только примером, но и рекомендацией привлекло к познанию и любви к этому нашему семейству. Ты же, приняв его скипетр с равным благочестием, не только всё это чудесно умножил и расширил, но и в себе самом (что гораздо важнее) обильно явил, сколь высоко ценишь усердие и труд наших людей в том, что относится к нашему установлению; а поскольку всё это известно и повсюду разглашено, нет нужды перечислять большее. Прими же с равной благосклонностью, непобедимейший король, этот, каков бы он ни был, от меня

дар: хотя он и мал, и недостойн твоего величества, однако и тебе должен, и от благодарного духа, и от памяти о твоей к нам щедрости (а это важнее всего) и о единственной твоей благожелательности происходит, и есть не последнее, как я надеюсь, свидетельство моего почтения к твоему величеству и должной любви к нашей Португалии. Остальное — буду молить Бога Всеблагого и Величайшего, да сохранит навсегда чистоту веры и целостность религии, которые в твоих королевствах блистательны; да отвратит далеко от этого государства гнусные чудовища пороков, отличного христианскими нравами; да поддерживает добрые науки, которые немало содействуют добродетели, против грубого варварства и назойливости невежд. Да делает, наконец, то, чтобы брошенные в тебя, счастливо взошедшие и умноженные семена преславных добродетелей наполнили твою царскую грудь таким множеством добрых дел, чтобы и единственным примером безупречной жизни, и бдительным управлением твоими королевствами ты мог по праву называться и считаться истинным пастырем народов (каковым именем, по мнению мудрейших мужей, должно называть короля). Прощай. Рим, 10 сентября 1577 года от Рождества Господня.

Наставление читателю.

Получив от Бога поручение писать о философии, любезный читатель, — поручение, принятое нами не по своей воле, но давно возложенное теми, кому противиться было нечестиво, — мы полагали, что исполним его с пользой лишь в том случае, если будем соблюдать преимущественно два условия. Первое — чтобы мы всё, что в философии считали бы нужным доказывать, направляли к изъяснению одного Аристотеля. Ибо хотя нам было бы легче рассматривать сами вещи по себе и отдельно, и это, может быть, многим было бы приятнее, однако мы не последовали такому способу писания потому, что он неведомо как отвращает любителей философии от чтения Аристотеля, а кто не имеет его близким, тот никогда не сделает больших успехов в философии. Второе — чтобы в изъяснении тех книг, которые содержат низшие дисциплины, поскольку они как бы классические и обычно изъясняются в школах в определённое и ограниченное время, мы воздерживались от обсуждения тех трудностей, которые свойственны Первой философии или требовали бы большей понятливости слушателей либо более пространныго рассуждения; многие из них, как мы видим, в наше время — уже у самого входа в философию — разбираются многими не без большого вреда для юношества. Ибо их, поскольку нужно было где-то коснуться (что нередко случается), мы полагали отложить в этот труд и здесь тщательно изъяснить.

С этим намерением, начав с книги «Категории» Аристотеля и его Порфириевой «Исагоги», и стремясь к установленной краткости, мы на опыте убедились, что трудно малым и лёгким (то есть свойственным этому месту) удовлетворить тех, кто привык слушать многое и трудное об этих же книгах, если не отослать читателей к тому, что уже пространнее написано нами; поэтому, изменив курс, мы решили начать заново с изъяснения этих книг. Мы поняли, что если бы в этом труде сначала было пространно рассуждено о началах всей философии, то мы могли бы не только сохранить для справедливых читателей тот способ писания, который считаем наилучшим в тех книгах, но и привнести больше света всем частям философии. Ибо если при установлении начала любой вещи (что Сократ у Платона учит) нужно многое разобрать и тщательнейше рассмотреть, правильно ли или неправильно устанавливается то, что по установлении легко свяжет остальное, — то насколько больше это должен делать тот, кто собирается писать о философии и всё передать путём и разумом? Итак, когда этот труд был в большей части завершён, мы позаботились отдать в печать первый его том, намереваясь остальные, с Божией помощью, выпустить в свет немного позже. И это — о всём писании.

Что же касается этого труда, то поскольку главная эта часть философии была почти оставлена философами, а у теологов изъяснялась в самих богословских комментариях мимоходом и урывками, мы постарались прежде всего о том, чтобы аристотелевский текст и чисто по истине, и удобно для употребления передать. Ибо ходящие вокруг буквальные переводы, желая сохранить верность, во многих местах не понимаются; и, говоря по-гречески латинскими словами, иногда подставляют одно мнение вместо другого. В тех же, которые более удобообозримы, хотя и видна большая понятность, однако меньшая верность: особенно в тех, чьи авторы больше усердия полагают в отделке речи (чего Философ не очень заботится), чем в извлечении и передаче истинного смысла. Затем, в изъяснении того, что говорится Аристотелем, мы постарались использовать главнейших каких-либо авторов, особенно самого Аристотеля, где он, казалось, был нам своим собственным истолкователем; однако сделали это так, чтобы излагать не столько то, что он должен был бы думать, сколько то, что он действительно думал: это единственный подлинный способ изъяснения. Далее, то, что было важнее, мы изъяснили более полными комментариями, остальное — более краткими схолиями и примечаниями; при этом, поскольку мы отчасти отклонялись от тягостной тщательности латинских схоластиков, которые рассекают текст своих авторов частыми делениями и подразделениями, отчасти от более свободной

манеры изложения греков, из-за которой порядок учения недостаточно понятен из их комментариев, — мы держались такого хода изъяснения, чтобы каждому легко было охватить всю последовательность учения во всём труде. Наконец, в рассмотрении вопросов, которые представил сам случай чтения (а это было всецело в нашей власти), мы были совершенно свободны: и не только других авторов, но и самого Аристотеля иногда оставляли, иногда извиняли, иногда каким-либо образом согласовывали с тем, что казалось нам более истинным: чтобы не противоречить ни вере учения, в которой не может быть никакой ошибки, ни разуму и общему человеческому чувству. Впрочем, как мы полагали, что не нужно клясться в словах ни одного учителя, когда речь идёт о философских вещах, так и не отвергли мнения ни одного даже низшего по достоинству философа, которое казалось нам наиболее согласным с истиной: ясно признавая, что истина, кем бы она ни была сказана, происходит от Первой истины. Мало того, мы не настолько привязались к своим положениям, чтобы не быть готовыми и теперь последовать за любым, кто думает лучше. Ибо мы понимаем, сколь превосходно и мудро сказано: «Благо — быть побеждённым истиной» и «Справедливо, чтобы каждый желал быть превзойдённым истиной, которой он будет превзойдён даже невольно». Если же из всей школы философов и теологов мы преимущественно чтим в этом труде одного св. Фому: тот по справедливости сочтёт это сделанным, кто взвесит превосходное дарование святейшего мужа, превосходнейшее суждение, свободный от всякого превратного аффекта дух, величину и разнообразие чтения, соединённые с величайшим усердием в отыскании истины: они до такой степени в нём очевидны, что в этом деле не нужно никакого оправдания.

Если же кто-либо возразит нам, что в рассмотрении вопросов самих по себе мы рассуждаем о многих вещах, которые кажутся собственными для теологов, физиков и других искусников, — тот, во-первых, поскольку этот труд общ для всех дисциплин, простит, если мы в нём немного разольёмся, чтобы принести пользу многим. Затем, когда заметит, что весьма многое, будучи собственным для этой науки, однако другими искусниками присваивается как бы своё, а другое, хотя и собственное для иных искусств, однако с присоединением Первой философии лучше и тщательнее рассматривается, — не только не прогневается на нас, но и признает, что мы хорошо и как-либо заслужили обо всех дисциплинах. Ибо и своё мы должны присваивать себе, и в какой бы области ни могли оказать другим наше содействие, — не должны опускаться. Если же низшие науки едва могут рассматриваться без того, чтобы часто их искусники, надев личину других, не изъясняли многое, что чуждо их собственному установлению, но немало содействует пониманию предложенного дела, — кто же будет столь несправедливым оценщиком вещей, чтобы считать, что это следует запретить Первому философу? Тем более что Первая философия, будучи царицей всех человеческих дисциплин, по своему праву может отзывать к себе причины низших дисциплин и с привлечением собственных начал тщательнее их исследовать. Наконец, хотя Священная теология далеко превосходит всякое человеческое учение, однако, поскольку она содержит многое, что может быть показано силой естественных разумных доводов, нет причины, по которой кто-либо мог бы думать, что мы переступаем собственные границы, если задержимся на рассмотрении этого рода: мы ведь занимаемся своим, а не чужим. Но и не чуждо заботе Первого философа защищать против язычников то, что опирается только на начала православной веры. Ибо поскольку теолог не может этого сделать, не показав, что начала веры не содержат ничего, что противоречило бы первым и самим по себе известнейшим утверждениям, — кто же, спрашивая, иной искусник сделает это собственными и особыми доводами, как не Первый философ? Так что и тогда мы заботились не о чужом, когда защищали от клеветы язычников и некоторые собственные догматы веры. Впрочем, кое-что из этого мы сделали скорее в изъяснении последующих книг, чем первых четырёх. Вот что мы имели, усердный читатель, сказать в начале этого труда о нашем замысле. Ты по тому человеколюбию, которое подобает любителю истинной мудрости, всё истолкуешь к лучшему и этим нашим, каков бы он ни был, трудом воспользуешься честно и во славу Христа Господа.

Прощай. Рим, 10 сентября 1577 года от Рождества Господня.

Предисловие к «Наставлениям в диалектике»

Пётр Фонсека — Читателю

Предыдущий век был беден изящной словесностью до такой степени, что, хотя все, кто занимался изучением философии, желали считаться аристотеликами, весьма немногие раскрывали Аристотеля. Ибо полагали, что аристотелевское учение изложено яснее и удобнее в «Суммулах» и «Вопросах», которые породило усердие неких трудолюбцев, чем у самого автора. Но хотя в значительной части это и верно, однако не неясно, какой урон понесла философия с тех пор, как этот обычай учить и учиться начал одобряться. Ибо сколь редок тот, кто, довольствуясь этими ручейками, мог бы — не говорю: достичь — но хотя бы отчасти подражать той величавой учёности древних? Заметив это, наша Конимбурская академия, ведомая примером и установлением некоторых других новых, последовала с самых как бы колыбелей тому способу преподавания, чтобы всё усердие и труд полагать в изъяснении книг Аристотеля. А чтобы из этого дела извлекался более обильный плод, она благоразумно постановила, чтобы наставники ежедневно диктовали ученикам то, что о деле, которое они изъяснили, наилучшим образом сказали бы и самые величайшие авторы, а они сами считали бы нужным добавить своим Марсом. Однако этот способ преподавания, хотя и считался гораздо лучшим и полезнее прежнего, nevertheless из-за постоянного труда писания приносил невероятную тягость и трудность ученикам, не говоря уже о наставниках. И время, которое можно было бы полезнее употребить на обучение и диспуты, не без большого неудобства тратилось на диктовку. Отсюда необходимо должно было произойти то, что ни все книги, которые числятся в курсе философии, не были полностью завершены, ни столь частым и столь продолжительным, как мы желали, не было упражнение в диспутах. Итак, чтобы и труду учеников помочь, и какой-либо ущерб в занятиях философией возместить, настоятели нашего Общества (которому королевская гимназия свободных искусств передана 9 лет назад христианнейшим королём Иоанном III) постановили, чтобы я, положивший несколько лет на преподавание философии, с какой могу краткостью и ясностью изъяснил те книги Аристотеля, которые обычно изъясняются слушателям философии. Ибо полагали, что таким образом и моим усердием, и трудом типографов не только уменьшится труд учения, но и прибавится нечто света и пользы этим занятиям. Я же, хотя и не вполне не знал скудости своего дарования, насколько позволительно послушному, попытался отказаться от этого бремени, которое чувствовал непосильным для своих плеч. Но те, в чьём голосе я узнаю Христа, побуждаемые усердием помогать другим, предпочли подвергнуть испытанию скорее мою способность или (вернее сказать) немощь, чем опустить какой-либо случай долга. Итак, поскольку я не могу отвергнуть возложенное на меня бремя, приложу тщательнейшее старание, чтобы, если не удовлетворю желаниям других, то, по крайней мере, не изменю приказу тех, кому вверил разум своей жизни. Между тем, пока я пишу комментарии на Аристотеля и Порфириево «Исагогу», я предлагаю эти «Наставления в диалектике» и как залог нашей веры, и как необходимые для тех, кто желает быть принятым в пределы философии. Ибо нельзя отрицать, что Аристотель, иначе весьма красноречивый, нарочно — чтобы упражнять, конечно, медлительные умы — во многих местах скрыл своё мнение так, что наставникам диалектики необходимо не прежде приступать к изъяснению его книг, чем они предложат ученикам набросанный образ всей диалектики. Ибо тогда все части диалектики, как бы описанные лучом, много яснее и легче понимаются в том, что говорится им. И, однако эти восемь книжиц написаны мною не с тем намерением, чтобы все они изъяснялись до «Введения» Порфирия (знаю, что это удобно сделать нельзя), но, чтобы, изложив вначале необходимое и главнейшее, остальное отложить на другое место. Ибо лучше, если что-нибудь из

трёх первых месяцев, которые ваша Академия обычно посвящает такого рода первым наставлениям, останется, чем если какая-либо часть в этом описании всей диалектики будет опущена или изложение будет короче, чем допускают ясность и польза. Итак, первые шесть книг могут быть изъяснены с октябрьских календ до Рождества Господня; остальные — отложены на ту часть года, в которую занятия из-за чрезмерной жары обычно ослабевают. Ибо так произойдёт, что те шесть откроют доступ к книге «Категории» Аристотеля, к книгам «Об истолковании» и «О первой аналитике», которые, как я надеюсь, с изданными комментариями и с прекращённой медлительностью диктовки могут быть изъяснены до июльских календ. Последние же две укажут путь к книгам «О второй аналитике», «Топике» и «О софистических опровержениях», которые будут начаты с возобновления занятий. Я тем охотнее составил это как бы целое тело диалектики, что вижу многих юношей превосходного дарования, тотчас переходящих от гуманитарных наук к знанию права: если они прежде пропитаются этим наставлением, то сделают в тех науках гораздо большие успехи. Да сотворит Бог Всеблагой и Величайший, чтобы этот наш труд, который приносится во славу Его и на пользу многих, был и Ему угоден, и принёс пользу всем, кто пожелает обучаться добрым наукам.

Аргумент ко всем книгам.

Первая книга, изложив те [начала], из которых, как из оснований, возникает устройство всего искусства, и объяснив природу Имени и Глагола, которые у диалектика суть первые элементы речи, излагает те наименования имён и глаголов, которые употребляются чаще. Вторая располагает все имена и глаголы в некие как бы классы, называемые предикаментами, изложив сначала род, вид, различие, собственное и привходящее: без знания, которых предикamentы никоим образом нельзя понять. Третья трактует о речи и прослеживает её формы до соединённых высказываний; и вовсе не опускает те, которые нуждаются в изъяснении. Четвёртая вся посвящена способу деления. В пятой рассуждается об определении. Шестая, изъяснив прежде всего силу и природу следствий, рассматривает аргументацию и четыре первых её рода: силлогизм, энтимему, индукцию и пример. В этой части преподаётся не только опытность в суждении о подобающей и порочной аргументации, но и показывается некий общий путь к отысканию среднего термина и аргумента. Седьмая трактует о доказательстве и диалектическом силлогизме; ради них указывает места, из которых можно извлечь все роды аргументов. Затем рассуждает о порядке: ибо так Аристотель называет ту часть суждения, которая содержит расположение аргументов между собой. Восьмая, наконец, изъясняет обманные силлогизмы (Аристотель называет их «псевдографом» и «софистическим»), чтобы диалектик быстро понимал, как развязывать уловки софистов. Чтобы это удобнее произошло, она умеренно присоединила то, что новейшие полезно передали об употреблении имён, которое называют «суппозицией», и о некоторых других свойствах имён.

«Наставлений в диалектике».

Книга первая.

Глава I. О необходимости имён из природы этого искусства.

Поскольку всякое учение, которое совершается разумом, передаётся через рассуждение (то есть через обнаружение в речи неизвестного из известного), а в рассуждении случается много ошибок, необходимо нужно было найти некое искусство, которое показывало бы подходящие формы рассуждения, чтобы ложное учение когда-нибудь не вкралось вместо истинного. Это искусство те, кто изобрёл, называли диалектикой; позднее древние перипатетики называли её логикой. И правильно — и те, и другие. Ибо диалектика по-латыни называется «разум рассуждения», или «учение». Ведь то, что у греков есть *διαλέγεσθαι*, откуда это имя производится, то же у латинян есть «рассуждать». То же истолкование имени, даже по свидетельству Цицерона, подходит к слову «логика». «Тёмным, — говорит он, — является вопрос, который они называют *περί φύσεως*; и вся она есть логика, которую он называет разумом рассуждения». Более того, сама эта речь легко и быстро изъясняет природу этого искусства из его собственной цели. Ибо хотя само дело рассуждения обще всем дисциплинам (все ведь отгоняют какое-либо незнание из известных уступленных положений), однако оно учит, каким образом должно рассуждать, и преподаёт для этого общие законы и правила: это диалектика присвоила себе как собственную цель, которой отличается от остальных. Итак, вполне правильно определяется диалектика как «учение рассуждения», как бы искусство, которое учит всем формулам рассуждения, то есть обнаружению в речи неизвестного из известного. Отсюда происходит, что не без причины сказали величайшие авторы, что эта одна способность необходима для образования всех остальных искусств; её один называет «вершиной дисциплин», другой — «дисциплиной дисциплин», третий не колеблется называть и «величайшим из искусств», и «светом всех». Ибо она предписывает все способы рассуждения, которыми приобретается и содержится всякое учение, как сказано.

Глава II. О том, что определение диалектики, взятое из «Топики», не подходит ко всему этому искусству.

Но кто-нибудь, войдя недостаточно внимательно, тотчас на самом пороге обидится и скажет, что предложенное нами определение диалектики не должно быть одобрено аристотеликами, потому что обычно ходит другое, взятое из начала «Топики» Аристотеля таким образом: «Диалектика есть метод, или искусство рассуждать о любом предложенном вопросе из вероятного». Однако ты возражишь, что намерение Аристотеля не таково, чтобы из приведённого места извлекалось определение всей диалектики (поскольку он в другом месте утверждает, что к диалектике относится рассуждение обо всех силлогизмах, то есть чтобы она была неким общим искусством рассуждения — и из вероятных аргументов, и из необходимых), но чтобы оттуда было взято определение некоей части, которая, поскольку она наиболее употребительна, по своему как бы праву присваивает себе имя всего искусства как собственное. Итак, то определение, которое мы передали, должно быть принято, как бы общее определение всего искусства.

Глава III. О предмете диалектики.

Из этого легко поймёшь, что предметом отнесения диалектики (к которому, несомненно, относится всё её рассмотрение) является речь, которой неизвестное открывается из известного. Ибо на изложении и изъяснении этой одной исчерпывается вся мысль и забота диалектиков, как явствует из сказанного. Её Цицерон, как бы занимаясь другим, называет «речью философов» — по той причине, полагаю, что она близка философам и почти им свойственна. В другом же месте, держа лицо Варрона, чтобы отличить её от непрерывной и пространной речи ораторов, называет: «речью, заключённой разумом», — особенно потому, что ничто так не свойственно разуму, как переходить от известного к неизвестному. Не отсутствуют и среди новейших те, кто полагает, что её следует называть «способом познания». Но первые два наименования имеют некоторую тёмность; третье, если слово «познание» понимать в собственном смысле, теснее, чем вещь, которая обозначается. Ибо не всякая речь, которая открывает из известного нечто неизвестное, порождает знание, так как часто производит мнение или иное какое-либо познание. Итак, чтобы последующее согласовалось с предыдущим и само наименование было более открытым и ясным, вполне удобно можно назвать её «способом рассуждения». А каким образом аргументация или силлогизм правильно называются предметом диалектики — скажем немного позже.

Глава IV. О трёх общих способах рассуждения и трёх первых частях диалектики.

Итак, существуют общие способы рассуждения, которые затем дробятся на другие, более мелкие. Это, говорю, деление, определение и аргументация. Ибо этими тремя как бы орудиями приобретается всякое познание неизвестной вещи из известного и очевидного. Ибо деление, как бы некая старательная исследовательница, обходя все роды вещей и части каждого, изъясняет всю спутанность сущего; затем, когда всё так исследовано и как бы поставлено перед глазами, приступает определение, как свет для освещения каждого в отдельности; уча, что каждая вещь имеет общего с остальными, что своего и особого, оно ограничивает природу каждой её пределами; наконец, аргументация, гораздо действеннее предыдущих, заключает подобающим разумом, что ещё кому-либо присуще. Из этих трёх орудий, которым соответствуют три первые части диалектики, только два последних положил Аристотель в первой книге «Метафизики», когда сказал, что «всякая дисциплина приобретается доказательством», то есть аргументацией, «или определением». Деление же, хотя в другом месте и не отрицал, что оно есть некий способ познания, однако не счёл, что в нём столько значения, чтобы сделать его одним из самих по себе орудий приобретения дисциплины. Поэтому, по-видимому, он отнёс его к определению, которому оно доставляет материал. Яснее в этом деле высказался Платон, который деление как бы отличил от остальных как иной способ рассуждения. Отсюда Цицерон, уличая Эпикура в незнании, что он не коснулся ни одной части диалектики, ясно указал это же (переданное нами как общее) деление способов рассуждения: «Уже в другой части философии, которая есть часть искания и рассуждения, которая называется *λογική*, этот ваш, как мне по крайней мере кажется, совершенно безоружен и наг: он отнимает определения; ничему не учит о делении и разделении; не передаёт, каким образом создаётся и замыкается разум». Отсюда и Порфирий, чтобы показать, что его «Исагога» служит всей диалектике, сказал, что она содействует не только учению о категориях (в какой книге передаются первые элементы всех способов рассуждения), но и всякому способу определения, деления и доказательства. Отсюда и св. Августин, когда говорит о происхождении искусств, утверждает, что разум, определяя, разделяя, собирая, не только упорядочил грамматику, но и защитил её от всякого вторжения лжи, и что без помощи диалектики, которую он произвёл как бы первым рождением, он не мог этого сделать: как если бы в изложении этих трёх общих орудий рассуждения состояла образующая все искусства диалектика. Итак, пусть будет так, что общие способы рассуждения суть то, в изложении чего заняты три первые части диалектики.

Глава V. О том, что Аристотель по установлению передал только третью часть диалектики.

Однако следует заметить, что Аристотель из этих трёх частей диалектики по установлению передал только третью. О делении ведь и определении он рассуждал лишь постольку, поскольку они полезны для нахождения аргументов. Сделал же он это либо потому, что в определении и делении, что касается диалектики, счёл меньше дела, чем чтобы они казались трактуемыми сами по себе, либо потому, что только в обработке аргументации (которую он присваивает себе как первому автору) счёл нужным потрудиться по установлению: часто ведь он утверждает, что учение об определении впервые передано Сократом. Способ же деления часто принижает как изобретение Платона. А знание умозаклучений и силлогизмов (к которым сводятся остальные роды аргументации) до того настойчиво приписывает себе, что часто утверждает, будто ничего вообще не принял от других относительно силлогизма, но что ему первому, который нашёл его искусством великого труда, должна быть воздана великая благодарность. Итак, из трёх общих способов рассуждения только аргументацию и почти преимущественно её главную форму, называемую силлогизмом или умозаклучением, взял на обработку Аристотель. Однако обработал её так, что проследил тщательнейше не только те умозаклучения, которые подтверждают дело из необходимых аргументов, но и те, которые доказывают нечто из вероятного и правдоподобного. Отсюда происходит, что те, кто рассматривает диалектику только с той стороны, с какой она передана Аристотелем, справедливо утверждают, что предмет диалектики есть аргументация или, по крайней мере, силлогизм, к которому сводятся остальные формы аргументации. По этой же причине учение Аристотеля об изобретении не следует понимать так, будто диалектика делится на часть изобретения и часть суждения. Ибо изобретение (как определяют авторы этого деления) есть разум отыскания аргументов. Суждение же есть учение о приспособлении их к предложенному заключению; и то, и другое, очевидно, относится к обработке аргументации. Если же имена изобретения и суждения понимать шире, чем их изъясняют авторы этого деления, нет сомнения, что это деление можно применить ко всему искусству диалектики. Ибо без изобретения и суждения, взятых в общем значении, не только нельзя составить аргументацию, но и никакое определение или деление: это тщательно заметил Боэций. Но об этом, как и об остальном, что следует далее кратко затронуть, мы пространнее рассудим в другом месте.

Глава VI. О частях и порядке изложения диалектики.

Поскольку, итак, деление, определение и аргументация имеют то общее, что они суть речи, а части речи суть имя и глагол (ибо всё остальное, что усматривается в речи, либо сводится к имени и глаголу, либо скорее должно считаться восполнениями речи и связками её частей, чем частями), — сначала мы будем говорить об именах и глаголах, затем о речи, потом три тех рода речей — деление, определение и аргументацию — проследим так, чтобы в первом месте рассуждать о делении, в следующем об определении, в последнем об аргументации. Ибо так мы соблюдем и порядок природы, и порядок учения: первый постепенно идёт от менее совершенного к более совершенному, второй — от более лёгкого к более трудному. И пусть никто не думает, что это изложение следует начинать с букв, которые суть мельчайшие частицы речи, на том основании, что природа в произведении вещей идёт от мельчайшего к большему. Ибо чтобы в каком-либо искусстве соблюдался порядок природы, не нужно начинать с того, что вообще и просто мельчайшее, но с того, что мельчайшее в этом искусстве. Буквы же, хотя и суть просто мельчайшие части речи, однако их рассмотрение относится не к диалектике, а к грамматике. Так что нет причины, по которой изложение искусства диалектики следовало бы начинать с букв, а не с имён и глаголов. Итак, это рассуждение об именах и глаголах сделаем двойным. В первом месте следует сказать о различных наименованиях имён и глаголов, затем следует свести всё в десять как бы классов, которые Аристотель называет *κατηγορίαι*, то есть предикаментами, чтобы их легко можно было найти для построения всех родов речей. Об употреблении же имён и глаголов, которое новейшие называют «суппозицией», и о некоторых других их свойствах мы рассуждим в конце этих «Наставлений» (так как это удобнее отложить на то место).

Глава VII. О том, об именах и глаголах какого рода следует рассуждать.

Имён и глаголов три рода: одни созданы умом, другие — голосом, третьи — письмом. Ибо то, что есть в голосе, суть знаки того, что в уме; а написанное — того, что в голосе. Хотя всё это и относится к диалектике (ибо диалектика передаёт все способы рассуждения, которые совершаются не только внешней речью, но и внутренней), однако, чтобы столь многие роды имён и глаголов не произвели путаницы в дальнейшем, следует рассуждать только о голосовых: тем более что всякий способ рассуждения, который передаётся в голосах, легко может быть приспособлен к речам ума и письма. Но кто-нибудь возразит так: голосовая речь всю свою силу имеет от речи ума, по свидетельству Аристотеля, который это считает до того истинным, что признаёт: доказательство, которое есть прочнейшее из всех аргументаций, и вообще силлогизм, совершается не во внешней речи, а в той, что в уме; а это по равной причине необходимо признать и в остальных способах рассуждения. Итак, если кажется, что следует трактовать только один род глаголов и имён, то скорее следует рассуждать об умственных, чем о голосовых. Однако следует возразить: хотя голосовая речь всю силу имеет от умственной, однако, поскольку голоса гораздо более открыты и ясны, чем понятия, диалектику следует передавать скорее в голосах, чем в понятиях ума, и потому рассуждать скорее о голосовых именах и глаголах, чем об умственных: это сделали Аристотель и все остальные не только по этой причине, но и потому, что внутренней речью никто не может научить другого и открыть другому неизвестное из известного; а каким образом это следует делать — диалектик должен передать. По той же причине диалектики трактуют скорее голосовые имена, чем письменные, потому что голосовая речь гораздо яснее письменной; к тому же она гораздо более обща и употребительна. Итак, по этим причинам, намереваясь трактовать только голосовую речь, мы будем рассуждать только о тех именах и глаголах, которые состоят в голосе. Но поскольку будет весьма полезно сначала сравнить эти три рода имён и глаголов между собой в отношении обозначения, прежде всего следует сказать, что такое «обозначать» и сколь разнообразны роды знаков и значений; затем открыть, каким образом обозначают понятия, голоса и письмена; наконец, приступить к изъяснению тех имён и глаголов, о которых мы решили рассуждать.

Глава VIII. О знаках формальных и инструментальных.

Чтобы повторить способы обозначения с самого начала, «обозначать» есть не что иное, как представлять нечто познавательной способности. А поскольку всё, что нечто представляет, есть знак вещи, которая представляется, то получается, что всё, что обозначает какую-либо вещь, есть её знак. Поэтому, когда говорящий или пишущий называется обозначающим своё мнение или волю, это следует понимать не иначе, как когда тот, кто подносит огонь к дровам, называется жгущим дрова. Ибо как он называется жгущим, потому что прилагает то, что жжёт, так и тот, кто говорит или пишет, называется обозначающим своё мнение или волю, потому что являет знаки, которые означают, что он сам чувствует или хочет: каковы слова, письмена, кивки и другое подобное.

Далее, знаки разделяются двумя делениями: одно — на знаки формальные и инструментальные (пусть будет позволено так говорить), другое — на естественные и по установлению. Формальные знаки суть подобия, или некие виды обозначаемых вещей, запечатлённые в познавательных способностях, которыми воспринимаются обозначаемые вещи. Этого рода — подобие, которое запечатлевает в глазах поставленный перед ними предмет; также то, которое отсутствующий друг оставил в памяти о друге; также то, которое кто-либо создаёт о вещи, которую никогда не видел. Называются же они формальными знаками, потому что формируют и как бы образуют познавательную способность. Инструментальные знаки суть те, которые, будучи представлены познавательным способностям, ведут к познанию другой вещи: этого рода — след животного, отпечатанный в пыли, дым, статуя и другое подобное. Ибо след есть знак животного, которым он отпечатан; дым же — скрытого огня; статуя, наконец, — Цезаря или кого-либо другого. Они называются инструментальными знаками либо потому, что ими как бы орудиями мы обозначаем другим свои понятия, либо потому, что, как художник [пользуется] орудием, так и познавательные способности, чтобы познать этим родом знаков какую-либо вещь, необходимо должны воспринять эти знаки. Отсюда ты заключишь, что очевиднейшее различие между этими знаками и высшими: те ведь не необходимо должны быть нами восприняты, чтобы через их восприятие мы пришли к познанию обозначаемой вещи. А эти, если не будут восприняты, никого не приведут к познанию какой-либо вещи. Различаются они и в том, что первые не столь употребительно называются знаками и не вполне правильно называются представляющими; последние же — в высшей степени. Отсюда бл. Августин, как бы обнимая всё, что в народной речи называется знаками, так определил знак: «Знак есть то, что и само себя являет чувству, и помимо себя нечто являет уму».

Глава IX. О знаках естественных и по установлению.

Естественные знаки — те, которые у всех означают одно и то же, или, лучше, те, которые по своей природе имеют силу обозначать нечто. Так, стон — знак боли, смех — радости. Знаки же по установлению — те, которые означают по воле людей и как бы по некоему соглашению. Их, в свою очередь, два рода. Ибо одни означают по наложению, как голоса, которыми люди беседуют, и письма, которыми отсутствующие сообщаются между собой; другие — по обычаю и общему употреблению, каким образом то, что вывешивается у дверей, означает продаваемые вещи. У тех же, которые означают по наложению, значение двойное: собственное и несобственное. Собственное — то, которое знаки присваивают себе по собственному наложению, каково то, которым слово «человек» означает истинных людей, а «лев» — истинных львов. Несобственное — то, к которому знаки переносятся по некоторому средству вещей: таково то, которым «человек» означает изображённых людей, а «лев» — крепких мужей. Почти же все слова, перенесённые и изменённые некоторым образом (греки называют их *τρόποι*), имеют несобственное значение: как те, которые изменяются через метафору, катафразу, металепсис и меронимию. Я сказал «почти», потому что по крайней мере те, которые означают через оноματοпоею, не кажутся употребляемыми несобственно. Ибо кто скажет, что слово «Clangor», созданное по подражанию вещи, несобственно означает звук трубы, а «Latratus» — голос домашней собаки? О синекдохе и антономасии пусть судят другие. Но это, что мы кратко коснулись собственного и несобственного значения, следует заимствовать у грамматиков. Из тех же, которые означают собственно, одни называются категорематами, другие — синкатегорематами. Категорематами, по свидетельству Цицерона, называются те, которые сказываются о ком-то одном или о некоторых: как «Крёз», «богатый» и подобные. Ибо это слово «Крёз» сказывается об одном некоем человеке, «богатый» — о многих. И неважно, что Цицерон под именем категоремата понимает обозначаемые вещи, а мы — сами знаки, наложенные для обозначения вещей. И то, и другое правильно называется категорематами, как бы «сказуемыми», потому что сказываются об одном или многих. Синкатегорематами же (как бы «содействующими категорематам») называются те, которые не сказываются ни о ком-либо, ни о чём-либо, но nevertheless приносят помощь категорематам, чтобы они производили определённый смысл речи: как «Крёза», «богатого», «учёно», «мудро», «всякий», «никакой», «если», «с», «или», «от» и остальное подобное. Этого о различных родах знаков и значений кажется достаточно. Следующее — сказать, каким образом обозначают понятия, голоса и письма.

Глава X. Каким образом обозначают понятия, голоса и письма.

Во-первых, понятия суть формальные знаки; голоса же и письма числятся среди инструментальных, как замечают новейшие. Ибо понятия суть некие подобия обозначаемых вещей, запечатлённые в *intellectus*, которые не необходимо познавать, чтобы через их посредство были познаны обозначаемые вещи; голоса же и письма суть внешние знаки, которые, если не будут представлены познавательным способностям, никого не приведут к познанию обозначаемых вещей. Затем понятия суть естественные знаки тех вещей, которые обозначают; голоса же, которыми мы беседуем, и письма, которыми сообщаемся с отсутствующими, суть знаки по установлению. Ибо понятия, как говорит Аристотель, по своей природе у всех одни и те же, то есть у всех означают одно и то же; голоса же и письма — не так, как достаточно ясно. Наконец, понятия обозначают вещи непосредственно, то есть без всякого иного посредствующего знака; голоса же — при посредстве понятий вещей, ближайшими знаками и замечками которых они являются, как говорит Аристотель; письма же — не только при посредстве понятий вещей, но и при посредстве голосов. Ибо то, что письма ближайшим образом представляют уму, суть голоса. Многие ведь при чтении произносят голоса, которые обозначают письма, не образуя при этом никакого понятия обозначаемых вещей, как ясно на тех, кто читает латинские буквы, но не понимает.

Замечание.

Однако не необходимо, чтобы, когда я слышу обозначающий голос какой-либо вещи, во мне возникали два понятия: одно — самого понятия вещи, другое — обозначаемой вещи. И также, когда я читаю какое-либо слово у Аристотеля, нет нужды, чтобы я постигал три [вещи]: голос, который обозначает вещь и соответствует слову, понятие вещи и обозначаемую вещь. Ибо ум в своей быстроте тотчас перелетает к вещи, часто минуя посредствующие знаки, помещённые между первым знаком и обозначаемой вещью.

Глава XI. О среднем и последнем понятии.

Однако совершенно необходимо, чтобы, когда мы слышим голоса или читаем письма, обозначающие по установлению, в нас всегда возникали два понятия: одно — самого голоса или письма, обозначающего по установлению (оно может возникнуть и в человеке, не знающем языка), другое — обозначаемой вещи (оно не возникает, кроме как у того, кто владеет значением слова). Ибо голоса и письма суть инструментальные знаки, как сказано, которые необходимо должны быть восприняты, если через их посредство должны быть познаны обозначаемые вещи. И первое понятие обычно называется «неокончательным», второе — «окончательным». Однако удобнее было бы назвать первое «средним», второе — «последним». Между этими понятиями усмотри следующее различие: среднее естественно обозначает сам голос или письмо, которое предлагается, поскольку оно есть естественный образ голоса или письма. Последнее же обозначается самим этим голосом или письмом по наложению. Ибо когда люди налагают голоса или письма для обозначения вещей, они одновременно налагают их и для обозначения понятий вещей: это Аристотель, что касается голосов, ясно показывает, когда говорит, что голоса суть заметки, или знаки понятий, но не так, чтобы они у всех означали одно и то же. Новейшие добавляют: среднее понятие обозначает по наложению и последнее понятие, и вещь, которую последнее обозначает естественно. Например, среднее понятие этого слова «человек» обозначает по наложению и последнее понятие того же слова, которое есть естественное понятие человека, и самого человека: ибо когда голоса или письма налагаются для обозначения вещей, одновременно по некоторому следствию кажется, что налагаются и естественные понятия их. С этим мнением, поскольку оно кажется истинным, я не буду спорить. Но оставив здесь понятия и письма, приступим к трактовке имён и глаголов голосовых.

Глава XII. Об имени.

Имя есть голос, обозначающий по установлению, определённый и без времени, ни одна часть которого не обозначает отдельно, и которое в соединении с «есть» или «не есть» образует речь, означающую истинное или ложное: как «человек», «Сократ» и другие подобные голоса. В этом определении «голос» отвергает понятия и письмена. «Обозначающий» отвергает те голоса, которые ничего не обозначают, как «бликтри» и другие подобные. «По установлению» отвергает голоса, обозначающие естественно, как стон и многие другие междометия. «Определённый» отвергает имена и глаголы бесконечные, как «не-человек», «не-здоров»: Аристотель считает, что их следует называть не просто именами или глаголами, а именами бесконечными и глаголами бесконечными, потому что они не подставляют уму никакого определённого понятия истинного или вымышленного сущего, так как сказываются и о том, что есть, и о том, чего нет. «Без времени» отвергает бесконечные глаголы и причастия, которые все обозначают время. Ибо хотя многие имена и обозначают время, как «день», «час», «год», однако они не присоединяют к своему значению никакого определённого различия времени — настоящего, прошедшего или будущего; а это и есть «обозначать время» или «обозначать со временем». «Ни одна часть которого не обозначает отдельно» отвергает речи: ибо некая часть всякой речи отдельно, и сама по себе обозначает в самой структуре речи: как в этих двух речах «человек белый», «человек сидит» можно видеть; а ни в одном имени, даже если оно сложной формы, каковы «государство» и «сенатское постановление», никакая часть ничего не обозначает отдельно. Наконец, «которое в соединении с "есть"» и прочее отвергает падежи имён, как «Платона», «Платону», и все остальные синкатегорематы, как союзы и предлоги, а также, по мнению некоторых, прилагательные, взятые в качестве прилагательных, как «белый»: поскольку с прибавлением этого глагола «есть», утвердительно или отрицательно, никогда не образуется речь, обозначающая истинное или ложное; это будет ясно, если скажешь: «Платона есть», «Платона не есть» и так далее.

Если же кто возразит, что многие местоимения с присоединением глагола «есть» образуют речь, обозначающую истинное или ложное, каковы «я есмь», «ты еси», «он есть», — почему местоимения суть имена, что кажется нелепым, — ты возразишь: местоимения делают это не в силу себя, а в силу имён, вместо которых они ставятся в речи; а это последнее условие имени следует понимать так, что имя делает это в силу себя.

Глава XIII. Обозначают ли все части сами по себе в самой структуре целого слова.

Но поскольку нелегко распознать, какие части обозначают отдельно и сами по себе в самом составе целого слова, а какие нет, новейшие передают два признака, по которым мы можем это обнаружить. Первый: та часть слова, которая, как она есть в целом слове, порождает в уме особое понятие, обозначает сама по себе в такого рода слове.

Отсюда мы заключаем, что ни «Do», ни «Minus» ничего не обозначают сами по себе в этом слове «Dominus». Ибо когда слышится всё слово, ни в чьём уме не возникают два понятия, из которых одно соответствовало бы части «Do», другое — части «Minus». Но когда слышится речь «Vir sapiens», в нас производятся два понятия, соответствующие этим двум частям, «Vir» и «Sapiens»; мы понимаем, что эти части сами по себе обозначают в самой структуре целого слова. Второй признак: та часть целого слова, чьё значение если кто отнимет, сделает так, что целое слово не будет обозначать то, что оно обозначало прежде, — обозначает сама по себе в самом составе целого слова. Отсюда мы заключаем, что части этих слов «Dominus», «Respublica» и других подобных, простой или сложной формы, которые обозначают вне самого состава целого, ничего не обозначают в целом слове. Ибо если кто отнимет значение таких частей, он не сделает того, чтобы сами целые и нераздельные слова утратили свои значения; а это совершенно следовало бы сказать в речи «Номо sapiens» и в остальных словах этого рода. Причина в том, что слова первого рода, целые и нераздельные, налагаются для обозначения; а те, что числятся во втором роде, — не иначе как по частям. Отсюда, во-первых, происходит, что каждому из тех соответствует только одно понятие, а каждому из этих — многие. Затем следует, что те не перестают обозначать, даже если у отдельных их частей, иначе обозначающих, будет отнято значение; а эти перестают. Однако многие слова, хотя они просто суть речи и порождают в уме многие понятия, nevertheless по недостатку слов употребляются вместо имён; поэтому, когда они слышатся, мы образуем простые понятия, каковы «верховный понтифик», «Александр Великий», «одушевлённое тело» и другие подобные.

Глава XIV. О глаголе.

Глагол есть голос, обозначающий по установлению, определённый и с настоящим временем, ни одна часть которого не обозначает отдельно, и всегда он есть заметка того, что сказывается о другом, как «здравствует», «беседует». Все части этого определения ясны из сказанного, кроме последней, смысл которой таков: «и всегда, когда ставится в высказывании, он есть знак того, что в нём сказывается», или, яснее, «и всегда, когда ставится в высказывании, сказывается вместо своего обозначаемого». Например, в этом высказывании «Сократ беседует» этот глагол «беседует» сказывается о Сократе вместо вещи, которую обозначает, и так далее. Высказывание же, чтобы сказать мимоходом, есть речь, обозначающая истинное или ложное. «Сказываться» же есть утверждаться или отрицаться о чём-либо, истинно ли это делается или ложно. Отсюда «сказуемое» называется то, что утверждается или отрицается о чём-либо. «Подлежащее» же — то, о чём утверждается или отрицается сказуемое. Но об этом ниже. Итак, этой последней частью определения отвергаются глаголы настоящего времени, которые не суть изъявительного наклонения, как «беседуй», «беседовать», и причастия того же времени, как «беседующий»; они ведь не могут быть отвергнуты предыдущими частями. Отвергаются же потому, что некоторые из них найдёшь никогда не сказывающимися, как «беседует». Другие же, хотя иногда и сказываются, иногда, однако не сказываются, как «беседовать», «беседующий» и подобные. Ибо если скажешь «беседовать есть состязаться с другим о предложенном вопросе», «беседующий говорит», — ни то «беседовать», ни то «беседующий» не будут сказываться. Итак, только и все глаголы, определённые настоящего времени изъявительного наклонения, охватываются этим определением, как «беседу», «беседуешь», «гуляю», «гуляешь».

Если же кто возразит, что в этом высказывании «гуляю есть глагол» то «гуляю» не сказывается, следовательно, неверно то, что мы учили, — [ответу]: никакой глагол в каком-либо высказывании не ставится без того, чтобы в нём не сказываться. Следует возразить, что то, что мы учили, верно, когда глаголы ставятся и принимаются в высказывании вместо вещей, которые обозначают; а глагол «гуляю» в предложенном высказывании не ставится и не принимается вместо своего обозначаемого. Ибо смысл высказывания не в том, что вещь, которую обозначает слово «гуляю», есть глагол, но в том, что само слово «гуляю» есть глагол.

Почти так же возразишь тому, кто противопоставит, что глагол «есть» в этом высказывании «Адам есть животное» не сказывается. Скажешь ведь, что неудивительно, потому что он принимается не вместо своего обозначаемого, которое есть «существовать», как принимается в этом высказывании «Адам есть», но исполняет только должность синкатегоремата, связывающего сказуемое с подлежащим; по этой причине он обычно называется «глагольной связкой». Итак, это свойственно глаголам, что, когда в высказывании они принимаются вместо своих обозначаемых, всегда их [значением] о подлежащем нечто сказывается. Это происходит из самой природы глаголов. Ибо глаголы, как глаголы, имеют то *resuliat*, что сами по себе и без всякой внешней связи могут сказываться. Например, чтобы глагол «беседует» сказывался о Сократе, не нужно искать некоего внешнего звена для совершения сказуемости, поскольку он сам по себе, присоединённый к имени, завершит высказывание, как если скажешь: «Сократ беседует». Однако этого недостаточно, чтобы какое-либо иное категоремат сказывалось о предложенном подлежащем. Ибо если к имени «Сократ» присоединишь только, например, имя «философ» или причастие «беседующий» и скажешь: «Сократ философ» или «Сократ беседующий», ты, без сомнения, не завершишь высказывания, но необходимо будет прибавить связку «есть», с вставкой которой произойдёт приписывание одной части другой. Итак, поскольку такова собственная природа глаголов, что они сами по себе могут сказываться и не нуждаются ни в чём, кроме подлежащего, о котором сказываются, отсюда происходит, что, поставленные в высказывании и принятые вместо своих обозначаемых, они всегда сказываются о другом, каким

бы образом ни менялись части высказывания. Например, если скажешь: «Платон беседует», «беседует Платон», «Платон беседует в Академии», «Платон в Академии беседует», «в Академии Платон беседует» или каким-либо иным образом построишь высказывание.

Глава XV. О том, что сводится к имени и глаголу.

Поскольку же кроме имени и глагола в речи встречается много других голосов, следует заметить, что некоторые из них у диалектика не суть части речи, а связки частей; некоторые же — части. Из частей же некоторые суть меньшие речи, хотя и кажутся простыми частями; некоторые же не суть речи, а простые части. Наконец, из тех, что суть простые части, одни прямо сводятся к имени и глаголу, другие — косвенно. Голоса, которые у диалектика не считаются частями речи, а связками частей, весьма многочисленны: как «от», «без», «если», «или» и почти все предлоги и союзы. К ним же относится наречие «не» и глагол «есть», поскольку он связывает сказуемое с подлежащим; также знаки всеобщие и частные, которые некоторым определённым образом расширяют или сужают связь подлежащего со сказуемым. Голоса, которые кажутся простыми частями речи и nevertheless считаются меньшими речами, — те, которые не содержат явно многих различных слов, но nevertheless порождают в уме некоторую речь: как «никто», «ничто», то есть «никакой человек», «никакая вещь», «всегда», «никогда» и многие другие наречия, «папе», «апаге» и другие междометия. Эти ведь все голоса и другие подобные просто и абсолютно суть речи, как ниже скажем. И эти два рода голосов, которые мы до сих пор перечислили, не сводятся к имени и глаголу. Простые же части речи, которые прямо сводятся к имени и глаголу, — остальные категорематы, кроме уже определённых имени и глагола. Но вот различие: те, которые не обозначают времени, сводятся к имени, как бесконечные имена, прилагательные, взятые в качестве прилагательных, и местоимения. Те же, которые обозначают время, сводятся к глаголу, как бесконечные глаголы, времена прошедшее и будущее изъявительного наклонения, времена неопределённого наклонения и причастия. Наконец, простые голоса, которые косвенно сводятся к имени и глаголу, — все те синкатегорематы, которые суть части, а не только связки частей речи. Распределяются же они так, что те, которые не обозначают времени, сводятся к имени; которые обозначают — к глаголу. Отсюда происходит, что к имени косвенно сводятся и падежи имён, в том числе бесконечных и принятых в качестве прилагательных, а также местоимений; затем и некоторые наречия, которые по обычаю падежей производятся от имён, как «учёно», «мудро»; к глаголу же — все падежи глаголов, в том числе неопределённых, которые не суть категорематы, а также падежи причастий. Какие же голоса суть категорематы, сказано выше. Итак, все части речи, которые не суть меньшие речи и не только связки или связи частей, либо суть имена и глаголы, либо сводятся к ним некоторым образом — прямо или косвенно.

Глава XVI. Являются ли незначащие голоса частями речи.

Но кто-нибудь возразит: незначащие голоса, как «бликтри» и «скиндапс», суть части речи (разумеется, простые), и nevertheless не суть имена или глаголы и не сводятся никаким образом к имени или глаголу; следовательно, то, что мы сказали, не вполне верно. Ибо то, что такого рода голоса суть части речи, кажется достаточно ясным из тех речей, которые мы обычно составляем: «бликтри есть слово из двух слогов», «скиндапс ничего не обозначает» и подобных. А что они не суть имена или глаголы и не сводятся к ним, ясно из сказанного.

Этому возражению можно ответить двояко. Во-первых, эти голоса не суть части речи. Ибо когда мы говорим «бликтри есть слово из двух слогов», то «бликтри» не кажется подлежащим высказывания, как кто-нибудь, может быть, подумал, но некая частица, которой показывается то «бликтри», как «этот голос», «это» или другое подобное; она иногда выражается, как в этом высказывании «этот голос "бликтри" есть слово из двух слогов», иногда же, поскольку легко понимается, подразумевается, как в предыдущем. Пример можно взять из других вещей. Ибо пишешь ли ты всё это «эта фигура О есть круг» или только это «О есть круг», ни в том, ни в другом случае в письме это «О» не будет подлежащим высказывания, но то «эта фигура», которое в первой речи выражается, во второй подразумевается. Также, скажу ли я всё это «этот человек (указывая пальцем на Сократа) есть философ» или, указав на того же, прибавлю только эти слова «есть философ», ни в том, ни в другом случае я не сделаю самого Сократа, на которого указываю, подлежащим высказывания, но только те слова «этот человек», которые в первой речи выражаются, во второй ради ясности опускаются. Этому учению достаточно благоприятствует обычай. Ибо обычно таким незначащим голосам, а также и значащим, когда они не принимаются вместо обозначаемых вещей, предпосылаются другие частицы, которыми они вводятся, как когда говорим «голос "бликтри" ничего не обозначает», «глагол "беседую" есть первого спряжения»; и они не подразумеваются, кроме как когда по обычаю понимаются, как у грамматиков. Благоприятствует этому мнению и общее рассуждение диалектиков, что значение всей речи состоит из значений её частей; отсюда следует, что незначащие голоса не должны считаться частями речи. Итак, одним способом мы можем ответить: эти голоса не суть части речи, но вещи, обозначенные и показанные другими словами, которые суть части речи и которые обычно предпосылаются, хотя, когда легко понимаются, опускаются. Иначе мы можем ответить: такого рода голоса и суть части речи, и не суть имена, ни глаголы, ни сводятся к именам или глаголам, как предполагает возражение; но то, что мы сказали (что все, говорю, простые части речи суть имена или глаголы, или сводятся к ним), следует понимать не вообще, а только когда части речи значащие.

Глава XVII. Перечисляются различные наименования имён и глаголов.

Итак, изъяснив имя и глагол и то, что сводится к имени и глаголу, теперь следует рассуждать о различных наименованиях имён и глаголов. Но поскольку этих наименований весьма много, мы проследим только те, которые чаще вращаются в устах. Имена и глаголы обычно называются: эквивоками, унивоками, конкретными, абстрактными, коннотативными, абсолютными, деноминативными, деноминирующими, общими, единичными, трансцендентными, нетрансцендентными, положительными, отрицательными, противоречащими, непротиворечащими, первого намерения и второго. Но чтобы при изъяснении отдельных наименований не удваивались слова «имя» и «глагол» (это породило бы и скуку, и путаницу), следует сначала охватить имена и глаголы неким общим словом, чтобы говорить о них как бы об одном некоем роде.

Глава XVIII. Об имени: каким образом оно охватывает глаголы и все остальные категорематы.

Можно, конечно, охватить имена и глаголы неким общим названием «слово». Ибо у латинян вошло в употребление, что и имена называются словами. Но это название распространяется весьма широко, так как простирается решительно на все слова; в этом смысле кто-то сказал: «И слова последуют за предусмотренным делом не неохотно». Можно также называть их «словами» согласно изречению Аристотеля: «И имя, и глагол суть только слова», и т. д. Но это название столь же широко, как и предыдущее. Но не нравится и обычай новейших, которые уже с самого начала трактуют имена и глаголы под словом «термин». Ибо термин есть не что иное, как сказуемое или подлежащее предложения, как после скажем; сказуемые же и подлежащие весьма часто суть речи, о которых, однако здесь мы не рассуждаем. К тому же название «термин» не подходит к именам и глаголам, поскольку они суть первые части и как бы элементы всякого способа рассуждения — деления, определения и аргументации, как мы их теперь трактуем, но только поскольку в них может завершаться разрешение простого силлогизма и, следовательно, всякой аргументации. Отсюда ведь и «термин» назван; и Аристотель, хотя с самого начала диалектики всё направил к учению о простом силлогизме, упомянул о термине лишь после нескольких книг, а именно когда наконец дошёл до строения силлогизма. Итак, лучше охватить имена и глаголы словом «имя», взятым в широком значении; в этом значении имени Аристотель говорит: «Сами глаголы, сказанные сами по себе, суть имена и нечто обозначают». В этом месте, чтобы одним словом изъяснить дело: имя есть то же, что категоремат, и таким образом оно охватывает не только имена и глаголы, как они определены выше, но и всё то, что прямо сводится к имени и глаголу. И этим употреблением имени Аристотель пользуется так часто, что тому, кто хоть умеренно упражнялся в его чтении, встретится множество примеров. Поэтому, приняв слово «имя» в этом значении, продолжим установленное.

Глава XIX. Об именах, эквивокальных по случаю.

Имя эквивокальное, или многозначное, есть то, которое обозначает свои обозначаемые по различным основаниям. Под словом «основание» разумей мысленное определение обозначаемой вещи, которое обозначает имя, согласно изречению Аристотеля: «Основание, которое обозначает имя, есть определение», разумеется, созданное умом. Ибо оно обозначается именем, хотя и смутно. Впрочем, под словом «основание» можно отлично понимать и простое понятие вещи, знаком которой является имя. По этой причине слово «пёс» называется эквивокальным: потому что по одному основанию обозначает домашнего пса, по-другому — рыбу, по третьему — созвездие. Из эквивокальных имён одни эквивокальны по случаю и судьбе, другие — по намерению и разуму. По случаю эквивокальны те, которые соответствуют своим обозначаемым по совершенно различным основаниям: как имя «Gallus» — человеку родом галлу, и галльскому петуху, и слову «Александр» — Александру Парису, и Александру Македонскому, и глагол «perdo» — тому, что есть «теряю», и тому, что есть «разрушаю», и «investigabile» — тому, что может быть исследовано, и тому, что не может. И этого класса ни одно эквивокальное слово не считается одним именем, но многими, так как нет ни одного, которое не имело бы многих и совершенно различных значений. Отсюда и высказывание с каким-либо глаголом этого рода не одно, но многие: как если скажешь «петух поёт», «Александр, рождённый от царя, есть», «Крёз, вступив в Галис, потеряет многие царства», «пути Божии неисследимы». Называются же эти имена эквивокальными по случаю, потому что при их наложении не имеется в виду никакого отношения сродства или соответствия обозначаемых вещей. И эти эквивокалы собственно по случаю считаются эквивокальными у Аристотеля.

Глава XX. Об именах, эквивокальных по намерению, или аналогичных.

Но есть эквивокальные по намерению, которые соответствуют своим обозначаемым по различным основаниям, но, однако настолько различным, что некоторым образом суть одно и то же: как имя «человек», которое некоторым образом по одному и тому же основанию говорится об истинном человеке и изображённом. Ибо истинный человек есть разумное животное; изображённый же есть образ разумного животного. Они называются эквивокальными по намерению, потому что не случайно и не по случаю, но по намерению и разуму налагаются на различные вещи, с учётом, несомненно, некоторого сродства между ними. Ибо мы не хотим охватить этим родом те, которые называются эквивокальными по намерению только ради памяти или надежды: как когда кто-либо называет сына именем Павла — либо в память о святом Павле, либо надеясь, что сын будет подобен святому Павлу; поскольку эти просто эквивокальны по случаю, так как налагаются на различные вещи не по причине какого-либо сродства между ними. Итак, те, которые называются эквивокальными по намерению по причине сродства обозначаемых вещей, называются так либо по отношению, либо по сравнению отношений. По отношению — одним из четырёх способов: либо к здоровью производящему и сохраняющему; либо от одного производящего, каким образом это слово «медицинский» эквивокально для обладающего искусством медицины и для всех инструментов, которыми пользуется медик; либо от одной формы, каким образом это слово «животное» эквивокально для обладающего формой животного и для изображённого и глиняного животного; либо от одного подлежащего, каким образом это слово «сущее» эквивокально для субстанции, которая существует сама по себе, и для акциденций, которые существуют через субстанцию, в которой они находятся.

По сравнению же отношений, которое по-гречески называется ἀναλογία, по-латыни — «пропорция», эквивокально, например, имя «нога» — ноге животного и горе, и имя «взгляд» — взгляду глаз и ума: потому что как относится нога животного к животному, так нога горы к горе; и как взгляд глаз к телу, так взгляд ума к душе. И эти последние эквивокалы у Аристотеля и древних его толкователей называются аналогичными, как бы «пропорциональными». Но новейшие долгим употреблением достигли того, что теперь все эквивокальные по намерению охватываются именем аналогичных.

Глава XXI. Об унивокальных именах.

Унивокальное имя есть то, которое обозначает свои обозначаемые совершенно по одному и тому же основанию: как слово «человек» в отношении всех истинных людей — все ведь называются людьми, потому что суть разумные животные. Но следует заметить, что эквивокальные не так отличаются от унивокальных, чтобы никакое эквивокальное не было некоторым образом унивокальным. Ибо это имя «Gallus», которое мы назвали эквивокальным по случаю, также унивокально, если относить его только к галльским петухам, которых оно обозначает совершенно по одному основанию. Также это имя «человек», которое выше мы назвали аналогичным в отношении и истинных, и изображённых людей, теперь мы привели как пример унивокальных в отношении только истинных. Итак, мы различали это не как разные слова, а как разные наименования имён, как мы установили. Нет никакого неудобства, если по разным соображениям одному и тому же слову приписываются разные наименования. Если же имена рассматривать в отношении всех их обозначаемых, то почти никаких унивокальных не найдётся. Ибо, оставив в стороне эквивокальные по случаю, которых немало, почти все слова обыденная речь сделала аналогичными.

Глава XXII. Сравниваются между собой эквивокальные по случаю, аналогичные и унивокальные.

Далее, эквивокальные по случаю и унивокальные совершенно противоположны и как бы противны друг другу; аналогичные же суть среднее между теми и другими. Ибо эквивокальные по случаю обозначают свои [обозначаемые] по совершенно различным основаниям; унивокальные — совершенно по одним и тем же; аналогичные — ни совершенно по разным, ни совершенно по одним и тем же. Отсюда, поскольку всякое среднее между противоположностями некоторым образом противоречит обоим крайним и некоторым образом с обоими сходится, Аристотель справедливо говорит об аналогичных так, что иногда отвергает их от эквивокальных, иногда от унивокальных, и наоборот: иногда называет их эквивокальными, иногда унивокальными. Но поскольку аналогичные соответствуют своим обозначаемым по основаниям просто различным, а не просто одним и тем же, но некоторым образом одним и тем же, как сказали, — нет сомнения, что они имеют большее сходство с эквивокальными по случаю, чем с унивокальными; это и было причиной того, что у Аристотеля в начале «Категорий» они определяются тем же определением, что и эквивокальные по случаю, под общим именем эквивокальных, а не вместе с унивокальными под именем унивокальных.

Однако заметь: здесь мы рассуждаем об эквивокальных и унивокальных иначе, чем Аристотель: он ведь о вещах, мы — о словах. Эквивокальные вещи — те, которые обозначаются эквивокальными словами; унивокальные — те, которые унивокальными. Новейшие называют эквивокальные и унивокальные слова «эквивокатами эквивокирующими» и «унивокатами унивокирующими»; вещи же — «эквивокатами эквивокированными» и «унивокатами унивокированными». Но поскольку дело ясно, нет нужды пользоваться этими словами. Заметь мимоходом из греческих слов, что скорее вещи, чем слова, называются эквивокальными. Ибо и ὁμώνυμα, которые мы называем эквивокальными, и συνώνυμα, которые мы называем унивокальными, по самой силе слов называются как бы имеющими одно общее имя, что, без сомнения, понимается о вещах, от которых название переносится на слова. Итак, слова называются эквивокальными, потому что обозначают эквивокальные вещи, а унивокальными — потому что обозначают унивокальные вещи.

Глава XXIII. Об имени конкретном и абстрактном.

Конкретное имя есть то, которое имеет составной способ обозначения: как «белое», «человек». Ибо «белое» обозначает белизну как бы прилежащую какой-либо подлежащей вещи и таким образом некоторым образом обозначает и подлежащую вещь; а «человек» обозначает имеющего человечность, в каковом значении усматривается и некоторый способ составления. Абстрактное имя есть то, которое имеет простой способ обозначения: как «белизна», «человечность». Ибо «белизна» обозначает только белизну как бы саму по себе существующую вне подлежащего, а «человечность» обозначает только человечность как бы саму по себе находящуюся вне человека. Те называются конкретными, как бы составными, эти — абстрактными, как бы свободными от состава; и то, и другое усматривается в способе обозначения. Абстрактные называются главными, или первичными, потому что не выводятся из других, но сами суть как бы главы и источники других — если не в грамматическом рассмотрении, то, по крайней мере, в рациональном, почерпнутом из природы вещей. Конкретные же называются менее главными, поскольку выводятся из них: либо ближайшим образом, как «белое» из имени «белизна», либо отдалённо, как «беловатое», которое ближайшим образом выводится из «белого».

Глава XXIV. Об имени коннотативном и абсолютном.

Коннотативное имя есть то, которое обозначает нечто прилежащее как бы прилежащее чему-либо: как «белое», «одетое», «слепое», «не видящее». Ибо «белое» обозначает белизну, которая прилежит лебедю, папирусу и остальным белым вещам; «одетое» обозначает одежду, которая прилежит человеку; «слепое» — отрицание зрения, которое прилежит животному, способному видеть; и это одно слово «не видящее» — отрицание зрения, которое прилежит всем не видящим, существуют ли они или нет. Я принимаю в определении частицы «нечто» и «чему-либо» в широчайшем смысле, чтобы охватить не только всё сущее, но и не-сущее, и понимаю это как «обозначать нечто прилежащее чему-либо», что обозначает некоторую форму или как бы акцидентальную форму чего-либо. Далее, эти же слова обозначают свои обозначаемые не как бы существующие сами по себе, но как бы прилежащие, поскольку они так их обозначают, что по способу своего значения сказываются о тех, чему они прилежат. Ибо я понимаю «обозначать нечто как бы прилежащее чему-либо» так. Например, я сказал бы, что это имя «белое» обозначает белизну как бы прилежащую телу (или по способу прилежащего, как обычно говорят), потому что оно так обозначает белизну, что по способу своего значения сказывается о теле, которому прилежит белизна. И так далее. Однако каким образом имя «белизна» не обозначает белизну, ни «одежда» — одежду, ни «слепота» — отрицание зрения, ни «невидение» — отрицание видения абсолютно. Ибо они не сказываются о тех, чему это прилежит. Так получается, что коннотативные имена обозначают одно, а сказываются о другом. Ибо они обозначают формы или как бы формы и сказываются о вещах, которым те привходят. И не одно и то же — обозначать нечто и сказываться о чём-либо, потому что (как доказывает Аристотель) если бы это было одно и то же, то одно и то же обозначали бы «музыкальное», «белое» и «человек» (которые сказываются об одном и том же человеке), что нелепейше утверждать. Итак, коннотативные имена обозначают одно, а по способу своего значения сказываются о другом. Итак, прежде всего из определения отвергаются те имена, которые не обозначают нечто прилежащее чему-либо: как «Платон», «Алкивиад», «человек», «животное» и почти все слова первых и вторых субстанций. Говорю «почти», потому что некоторые из них обозначают нечто прилежащее чему-либо: как «медное» и «деревянное», поскольку они сказываются о фигурах. Ибо эти два слова обозначают медь и дерево как бы акцидентальные формы фигур; это можно усмотреть и в некоторых других. Затем отвергаются те, которые обозначают нечто прилежащее чему-либо, но не как прилежащее, или по способу прилежащего: как «белизна», «одежда», «слепота», «невидение».

Абсолютное имя есть то, которое обозначает нечто не как прилежащее чему-либо, но как бы само по себе существующее или (как говорят диалектики) по способу самого по себе стоящего; каковы все те, которые мы отвергли от определения коннотативных. Отсюда, по-видимому, названо коннотативное имя: потому что помимо того, что оно обозначает, оно отмечает и другое, о чём сказывается. Абсолютное же — потому что помимо того, что обозначает, ничего другого не отмечает, о чём сказывалось бы. Однако здесь нельзя опустить, что шире простирается наименование конкретного имени, чем коннотативного; и коннотативного, чем того, что у грамматиков называется прилагательным. Ибо хотя всякое прилагательное есть коннотативное и всякое коннотативное — конкретное (это легко заметит внимательный), однако не всякое конкретное есть коннотативное и не всякое коннотативное — прилагательное. Ибо эти слова — «Сократ», «человек», «животное» и почти бесконечное множество других первых и вторых субстанций — конкретны, по свидетельству даже теологов, и nevertheless не могут называться коннотативными. Также эти слова — «отец», «господин», «наставник» — коннотативны, но nevertheless не прилагательные, а существительные. Отсюда происходит, что эти

наименования некоторыми ошибочно смешиваются и употребляются без разбора как одно и то же.

Глава XXV. Об имени деноминативном и деноминирующем.

Деноминативное имя есть коннотативное, которое выводится от некоторого предшествующего слова по звучанию и значению: как «белое», «справедливое». И то, и другое коннотативно, и первое выводится от имени «белизна», второе от слова «справедливость» по звучанию и значению. Под словом «выводится» не разумей здесь грамматическое производство (по нему скорее имя «справедливость» выводится из родительного «справедливого»), но рациональное, почерпнутое из природы вещей, о котором мы говорили выше. Итак, первой частью определения исключаются все абсолютные имена. Второй отвергаются те коннотативные, которые ни по звучанию, ни по значению не выводятся ни от какого предшествующего имени. Отсюда происходит, что это имя «ревностный», принятое в смысле «наделённый добродетелью», не есть деноминативное: потому что не выводится по звучанию и значению от какого-либо предшествующего имени. Ибо только по звучанию оно происходит от имени «усердие», а только по значению — от имени «добродетель». Отсюда также происходит, что эти имена — «бегун», «борец» и остальные подобные, поскольку они обозначают некие естественные силы, не суть деноминативные. Ибо ни от какого предшествующего и более простого слова они не выводятся по звучанию и значению. Ибо хотя по звучанию они и происходят от имён действий, как «бегун» от «бега», а «борец» от «борьбы», однако по значению ни от чего не выводятся, потому что для естественных сил, которые они обозначают, ещё не наложены никакие абстрактные имена. Из этого ясно, что шире простирается наименование коннотативного имени, чем деноминативного, поскольку из сказанного мы понимаем, что все деноминативные суть коннотативные, но не все коннотативные суть деноминативные.

Деноминирующее имя есть то, от которого деноминативное выводится по звучанию и значению. К этому роду могут относиться не только абстрактные слова, как «белизна», «справедливость», но и конкретные, как «белое», «огонь». Ибо от «белого» и по звучанию, и по значению выводится «беловатое», а от огня — «раскалённое». Те могут называться первично деноминирующими, эти — вторично. Отсюда происходит, что одно и то же имя может быть деноминативным и деноминирующим в отношении разных [вещей]. Ибо «белое», если сравнивается со словом «белизна», есть деноминативное; если с именем «беловатое» — деноминирующее. Но чтобы ты лучше понял сказанное, заметь, что в любом деноминативном требуется двоякое отношение: одно — к деноминирующему слову, от которого оно выводится по звучанию и значению; другое — к деноминированной вещи, которой оно обозначает нечто прилежащее, или чьим коннотативным является. По первому отношению всякое деноминативное называется деноминативным от некоторого деноминирующего; по второму — деноминативным некоторой вещи или определённых некоторых. Отсюда получается, что как всякое деноминативное есть деноминативное от некоторого определённого и обозначенного слова, так оно есть и деноминативное некоторой определённой вещи или определённых некоторых. Я это заметил для того, чтобы ты перестал удивляться, если увидишь, что деноминативные имена не обо всём, о чём сказываются, сказываются деноминативно. Ибо поистине «цветное» сказывается деноминативно о теле, чьим коннотативным является; о белом же, чьим коннотативным не является, деноминативно сказываться не может. Также эти имена — «благой», «мудрый», «справедливый» — сказываются деноминативно о людях, которым благодать, мудрость и справедливость приходят акцидентально; о Боге же, в чьей простейшей сущности такого рода совершенства содержатся, сказываются не деноминативно, а сущностно. «Медное» также, «деревянное» и подобное сказываются деноминативно о фигурах, как о круге и треугольнике; сущностно же, не деноминативно — о вещах, составленных из фигуры и материи, как о медном

треугольнике и деревянном круге. «Разумное», наконец, сказывается деноминативно о животном, сущностно — о человеке и Сократе.

Глава XXVI. Об имени общем и единичном.

Общее, или всеобщее, имя есть то, которое по одному и тому же основанию сказывается о многих: как «человек». Единичное же, или раздельное, или неделимое — то, которое не сказывается о многих: как «Платон», «Конимбра», «Бог». «Сказываться» здесь следует понимать точнее, чем выше, а именно как «истинно утверждаться»; ибо если понимать, как «утверждаться или отрицаться, истинно или ложно», как мы изъяснили выше, то единичные имена будут общими: ведь «Платон» в том смысле, в каком он обозначает Платона, наставника Аристотеля, сказывается о многих Платонах — и истинно, и отрицательно, и ложно, и утвердительно. Когда же в определении слышишь «о многих», под словом «многих» разумей многих по одному и тому же имени. Ибо чтобы какое-либо имя называлось общим, недостаточно, если оно сказывается о тех, которые называются многими по другому имени. Ибо так и единичные имена будут считаться общими. Ведь имя Платона, принятое в одном единственном основании, сказывается о многих атрибутах Платона, как о сыне Аристона, об этом философе, о наставнике Аристотеля. И имя «Конимбра» сказывается о многих атрибутах Конимбры: о городе, расположенном близ Монды, об этой возделывательнице добрых искусств. Также имя «Бог» сказывается о многих божественных лицах, и nevertheless оно единично, если только под именем Бога мы понимаем то, больше и совершеннее чего нельзя помыслить, каким образом теологи описывают понятие Бога. Ибо при таком значении Премудрый говорит: «Люди, служащие страсти или царям, наложили несообщимое имя» — разумеется, Бога — на камни и деревья. Наконец, «основание» принимается в определении общего имени в том же значении, что и в определениях эквивокальных и унивокальных. Итак, когда в этом определении говорится «которое сказывается о многих», исключаются все единичные имена, потому что ни одно из них не сказывается о тех, которые могли бы называться многими по нему самому, то есть потому, что имя Платона, поскольку оно единично, не сказывается о тех, которые могли бы называться многими Платонами, ни Конимбра — о тех, которые могли бы называться многими Конимбрами, ни Бог — о лицах, которые назывались бы многими богами. Когда же прибавляется «по одному и тому же основанию», исключаются все эквивокальные имена, кроме того, что аналогичные некоторым образом охватываются, поскольку они некоторым образом по одному и тому же основанию соответствуют многим. Это и есть причина того, что у Аристотеля многие аналогичные называются и общими, и всеобщими.

Заметь здесь два [обстоятельства]. Первое: общие имена у грамматиков называются «нарицательными», единичные же — «собственными». Второе: вместо собственных имён, которых мы по большей части лишены, употребляются преимущественно два рода описаний. Одно — когда к общему имени мы прибавляем указательное местоимение, как если скажу «этот человек», «этот конь»; такие речи называются единичными по указанию. Другое — когда общая речь по некоторой гипотезе приспособляется к одной только вещи, как если скажу «сын Софрониска», «сын государя Иоанна». Ибо если предположить, что у Софрониска не было другого сына, кроме Сократа, а у государя Иоанна, сына Иоанна III, короля Португалии, — другого, кроме Себастиана, то, конечно, этими речами я обозначу философа Сократа и короля Себастиана. Но такого рода речи, поскольку они поистине общи и не одной только вещи, кроме как по гипотезе, соответствуют, называются единичными не просто, а по гипотезе. Опускаю здесь речи, построенные из общих имён и частных знаков, как «некий человек», «некий конь» (они называются единичными блуждающими), потому что сказываются не об одном, а о многих.

Глава XXVII. Разрешаются некоторые возражения против определения общего имени.

Но против определения общего имени можно аргументировать. Все эквивокальные имена суть общие, по свидетельству Аристотеля, который, определяя эквивокальные вещи, говорит так: «Эквивокальны те, у которых имя общее»; но эквивокальные имена не сказываются о многих по одному и тому же основанию (ибо Аристотель добавляет: «А основание сущности различно», что ясно и из сказанного); следовательно, определение общего имени не охватывает все общие имена. Можно также аргументировать так: эти имена — «мир», «солнце», «луна», «Меркурий» и остальные подобные — общи (ибо физики и астрологи, которые рассуждают о мире, солнце и остальном подобном, имеют дело только с общими вещами, поскольку единичные по общему согласию всех философов изгоняются из дисциплин); но этим именам не подходит определение общего имени, потому что они не сказываются о многих (ведь мы не говорим истинно, что есть многие миры, или солнца, или луны, или Меркурии). Следовательно, определение общего имени не подходит всем общим именам; поэтому оно передано неправильно. На первое возражение ответишь одним из двух способов: имена могут называться общими либо только по звучанию, либо по звучанию и значению вместе; и эквивокальные имена — общие только по звучанию; мы же определили только те, которые общи и по звучанию, и по значению; поэтому неудивительно, если определение общего имени не охватывает общие имена первого рода. На второе ответишь, что те имена и суть истинно общие, как определённые нами, и сказываются о многих. Ибо поскольку это имя «мир» обозначает первично не этот обозначенный мир, но мир абсолютно и просто, каким образом философы рассуждают о мире, нет сомнения, что по способу своего значения оно может сказываться о многих мирах, которые могут быть apprehended и помыслены под миром, понятым абсолютно и просто. Итак, если умом apprehend три обозначенных мира, то о каждом в отдельности истинно выскажешь это имя «мир», хотя в природе вещей и нет многих. Это следует сказать и об остальных подобных именах.

Но пока я так отвечаю, кажется, что я явно распускаю то, что сказал выше, — что это имя «Бог» единично, а не общее. Ибо как это имя «мир» первично обозначает не этот мир, но мир абсолютно, под которым могут быть помыслены многие миры, так и имя «Бог», кажется, первично обозначает не этого Бога, но Бога абсолютно, под которым, следовательно, могли бы быть помыслены многие боги; поэтому если имя «мир», поскольку обозначает мир абсолютно, общее, то по равной причине и имя «Бог» будет общим. Но если ты внимательно рассмотришь, я ничего не беру назад. Ибо о имени «Бог» следует думать совершенно иначе, чем о имени «мир» и остальных подобных. Ибо эти обозначают вещи конечного совершенства, которые могут быть помыслены общим понятием и принять прибавление единичного совершенства; то же обозначает вещь бесконечного совершенства, которая, поскольку никоим образом не может допустить прибавления совершенства, не может быть помыслена иначе как обозначенная и единичная. Если же кто-нибудь ещё будет настаивать и скажет, что метафизик рассуждает о Боге, следовательно, если единичные, как сказано, изгоняются из дисциплин, имя «Бог» не единично, а общее, — возразишь: справедливо из этого правила следует исключить ту вещь, которая по причине своего совершенства не может быть apprehended общим универсальным понятием. Я не отрицал бы, однако, что это имя «Бог» и по звучанию, и некоторым образом по значению обще Богу и тем людям, которые в Священном Писании по причине достоинства суда или благодати, которой они подобны Богу, называются богами; но это общение аналогическое и не несходно с тем, которым имя Гектора Троянского сообщается храбрым мужам, Цицерона — красноречивым, Иова — терпеливым.

Глава XXVIII. Об имени трансцендентном и нетрансцендентном.

Трансцендентное имя, хотя и принимается у всех не в одном значении, однако по более общему употреблению может быть определено так: трансцендентное имя есть то, которое называется обо всех и только об истинных вещах. Говорят, что трансцендентных шесть: сущее, единое, истинное, благое, нечто и вещь; об их значении следует рассуждать в другом месте. Остальные, согласно этому мнению, — нетрансцендентные, среди которых числятся те, которые новейшие называют сверхтрансцендентными: как «мнимое», «мыслимое», «постижимое» и если есть другие, которые истинно утверждаются не только обо всех истинных вещах, но и о вымышленных.

Глава XXIX. Об имени положительном и отрицательном.

Отрицательное имя есть то, которое обозначает отрицание чего-либо. Оно двойственно. Ибо либо обозначает отрицание чего-либо в подлежащем, по природе способном [к этому], как «слепое», «тёмное»; либо не внося такого подлежащего, как «не видящее», «не освещённое», «неразумное». Ибо «слепое» обозначает отрицание зрения в глазах; «не видящее» же — отрицание зрения в любой подлежащей вещи, истинной или вымышленной. Отсюда происходит, что ложно кто-либо скажет, что камень слеп, а гиппокентавр [слеп]; истинно же — что камень не видит и гиппокентавр не видит; это же различие легко усматривается и в остальном. И первые из этих имён называются привативными, или лишаящими; последние же, с сохранением общего имени, называются только отрицательными, или отрицающими. И почти все этого рода у Аристотеля называются бесконечными, потому что истинно утверждаются и о том, что есть, и о том, чего нет, то есть и об истинных вещах, и о том, что не суть истинные вещи: как «не-человек», «не-Химера». Ибо первое сказывается обо всём — и вымышленном, и истинном, — кроме человека; второе же одинаково обо всём, кроме Химеры. Те же из этого рода, которые *reciprocantur* либо только с истинными вещами, либо с тем, что не суть истинные вещи, как «не-ничто» и «не-сущее», поскольку они не столь широко простираются, не называются Аристотелем бесконечными.

Положительные имена — те, которые не обозначают отрицания чего-либо: как «человек», «Химера», «видящее», «разумное», «одетое» и подобные.

Глава XXX. Разрешаются некоторые возражения против определения отрицательного имени.

Но против этого: это имя «отрицание» обозначает отрицание чего-либо (ибо обозначает отрицание); всякое же отрицание нечто отрицает; и nevertheless оно не есть отрицательное имя, поскольку не есть ни привативное, ни числится среди тех отрицательных, которые, напротив, отличаются от привативных (ибо оно не бесконечное и не *resiprocatur* только с сущими или с не-сущими). Следовательно, определение отрицательного имени подходит некоторому неотрицательному имени, что нелепо. Кроме того, это слово «не-человек» обозначает отрицание чего-либо, как достаточно ясно, и nevertheless не есть отрицательное имя, но речь, поскольку при его слышании в нас возникают два последних понятия: одно — частицы «не», другое — частицы «человек». Следовательно, определение отрицательного имени подходит некоторой речи, что также неудобно. То же яснее показывается на слове «ничто», которое мы причислили к отрицательным именам. Ибо оно составляется из слова «ничто», которое выше мы утверждали, что оно есть речь. Однако первое возражение легко разрешается, если скажешь, что это имя «отрицание» и не есть отрицательное, как доказано, и не обозначает отрицания чего-либо. Ибо хотя всякое специальное отрицание — как отрицание зрения, отрицание человека, отрицание сущего и отрицание гиппокентавра — отрицает нечто, то есть обозначаемое какого-либо имени, однако отрицание вообще ничего вовсе не отрицает. На второе возражение ответишь, что слово «не-человек» не есть речь, как Аристотель ясно признаёт. Ибо хотя частица «человек» и имеет собственные и особые значения вне целого слова, однако, соединённая в состав одного слова, она утрачивает такого рода значения, и само целое слово, составленное из обоих слов, обозначает отрицание той вещи, которую слово «человек» обозначает вне целого слова. И нет того следствия, которое кто-нибудь, может быть, построил бы: «не-человек обозначает отрицание человека, следовательно, обозначает отрицание и человека»; как нет никакого следствия, если так заключишь: «это имя "отец" обозначает отношение к сыну, следовательно, обозначает отношение и сына». А почему при слышании имени «не-человек» в нас возникают два понятия — отрицания и человека — причина в том, что специальное отрицание не может быть помыслено без того, чтобы не было помыслено то, что отрицается; не потому, что одна часть бесконечного имени внушает одно понятие, другая — другое. Не иначе ведь при слышании имени «отец» мы постигаем и отца, и сына; но не потому, что одна часть имени порождает одно понятие, другая — другое, а потому, что отец без сына не может быть воспринят никаким образом. На третье возражение ответишь, что слово «ничто» иногда значит то же, что «никакая вещь», иногда то же, что «не-сущее»; в первом смысле оно речь, во втором — отрицательное имя, обозначающее, конечно, не отрицание и сущее, как мы только что показали, но отрицание сущего, которое, без сомнения, может быть отрицаемо другим отрицанием. Отрицание же отрицания сущего обозначается словом «не-ничто».

Глава XXXI. Об именах, противоречащих и непротиворечащих.

Противоречащие имена — те, которые не могут истинно утверждаться об одной и той же вещи: как «белое» и «чёрное», «гуляет» и «не гуляет», «учёный» и «неучёный», «камень» и «дерево». Когда слышишь «которые не могут утверждаться», разумей «одновременно», то есть в одно и то же время и одним и тем же образом. Когда прибавляется «об одной и той же вещи», разумей «об одной и той же единичной вещи, по одной и той же части и в одном и том же отношении». Ибо иначе почти нет имён, которые не могли бы истинно утверждаться об одной и той же вещи, как легко заметит внимательный. Непротиворечащие имена — те, которые могут истинно утверждаться об одной и той же вещи: как «учёный» и «скромный», «простой» и «разумный», «богатый» и «несчастный». В этом определении разумей все частицы, которые, как мы сказали, следует разуметь и в предыдущем.

Далее, противоречащих имён два рода. Ибо одни суть противоположные, другие — не противоположные, или разрозненные. Противоположные суть либо противоречащие, или контрдикторные, как «справедливый» и «несправедливый»; либо привативно противоположные, как «видящий» и «слепой»; либо контрарные, как «белый» и «чёрный»; либо относительные, как «наставник» и «ученик»; они соответствуют четырём родам противоположных вещей, переданных Аристотелем, о которых после кратко скажем. Остальные противоречащие имена — не противоположные, а разрозненные: как «камень» и «дерево», «плоть» и «дух».

Глава XXXII. Об именах первого и второго намерения, которые называются также первого и второго наложения.

В двояком значении употребляется это наименование имён первого и второго намерения. Некоторые говорят так, что имена вещей называют первого намерения, как бы первого предложения и установления тех, кто налагал имена; имена же имён называют второго намерения, как бы предложенного впоследствии. Ибо сначала нужно было наложить имена на вещи, чтобы одна называлась «человек», другая — «конь», другая — «платан» и другие — иными словами; затем — на сами слова вещей, чтобы, несомненно, одно называлось «имя», другое — «глагол», другое — «причастие» и другие — иными именами. Согласно этому обычаю речи, только имена, наложенные на значащие голоса по наложению, поскольку они обозначают по наложению, суть второго намерения; всё остальное — первого, даже если и не обозначает истинных вещей. И при этом значении достаточно ясно, почему имена первого намерения называются также первого наложения, а второго намерения — второго наложения.

Другие называют именами первого намерения те, которые обозначают первые намерения; второго же намерения — те, которые обозначают вторые. Под именем же первых намерений понимают всё то, что соответствует истинным вещам, даже если такого рода вещи никем не мыслятся, что называют «соответствовать со стороны вещи». Таким образом Сократу соответствует то, что он человек, что он способен к науке, что он Сократ, что он философ и что он, может быть, слеп и несправедлив. Под именем же вторых намерений понимают то, что соответствует истинным вещам по некоторому их apprehend, что называется «через действие ума»: таким образом этому слову «человек», рассматриваемому естественно, соответствует то, что оно имя, а этому «беседую» — то, что оно глагол. Ибо если эти слова не apprehend как знаки, наложенные на вещи, то ни первое не будет именем, ни второе — глаголом. **Тем же образом человеку соответствует то, что он есть вид, что он определяется, и тому подобное; поскольку если он не постигает неким общим образом всех людей, то он не будет ни видом, ни определяться, как мы покажем в другом месте.** И то справедливо называется первыми намерениями, это — вторыми, потому что, поскольку, то есть основание этого, наш ум, мысля о вещах, прежде попадает в то, чем в это. Так достаточно ясно остаётся, почему имена того называются именами первого намерения, а этого — второго. И поскольку то, на что мы прежде направляем внимание, мы можем и прежде назвать, не чуждо этому употреблению имён, чтобы первое называлось первого наложения, а последующее — второго.

Хотя же имена вымыслов, как «Сфинкс», «Химера» и подобные, не суть первого или второго намерения в последнем значении, как ясно из сказанного, однако по некоторому сведению могут называться первого намерения, потому что вымышленные вещи, хотя и не суть истинные вещи, однако вымышляются как истинные. Это я добавил, чтобы не было ни одного имени, которое не называлось бы тем или другим образом первого или второго намерения. Этого о различных наименованиях имён и глаголов сказанного достаточно. Эта часть нашего установления соответствует началу «Категорий» Аристотеля, где он об эквивокальных, унивокальных и деноминативных, о сложных и несложных, о всеобщих и единичных, прежде чем приступить к категориям, немного предпосылает.

Книга вторая.

Глава I. Что следует делать в этой книге; и что такое общее.

Непосредственно следует, чтобы мы бесконечное множество имён и глаголов свели в десять разрядов и как бы классов, дабы они были под рукой. Эти разряды Аристотель называет *катηγορίαι*, то есть предикаментами, потому что в них категорематы, или то, что сказывается, приводятся в порядок, потому что первые элементы рассуждения в этих как бы классах собраны и расположены. Он называет их также *συνοταίχια*, как бы упорядоченными и приведёнными в стройный ряд элементами. Но поскольку предикаменты никоим образом нельзя понять, если не понимать, что такое род, что такое вид, что такое различие, что такое собственное и что такое привходящее, — необходимо сначала изъяснить эти пять, прежде чем излагать, что такое предикамент, сколько их и какие они. А поскольку эти пять сходятся в том, что суть общие [понятия], следует сначала кратко сказать, что такое общее, как их общий род.

Общее есть то, что сказывается о многих: подразумевай — совершенно по одному и тому же основанию и согласно природе: например, «человек», «животное». В предыдущей книге мы определили имя «общее»; теперь мы описываем общую вещь. Здесь, однако, мы говорим о вещи точнее, чем там об имени. Что значит «сказываться о многих совершенно по одному и тому же основанию», мы изъяснили в той же книге. А что значит «сказываться согласно природе», понимай так. Сказываются согласно природе, или прямо (как обычно говорят), то, что есть как бы форма того, о чём сказывается; так высшее сказывается о низшем, а коннотативное — об абсолютном, например, «животное» о «человеке» и «белое» о «лебедь». Этому противоположно некое сказывание, которое называется против природы и косвенным, в котором, напротив, например, «человек» сказывается о «животном» или «лебедь» о «белом». Между ними есть среднее, которое называется и вне природы, и по привходящему, в котором ни то, что сказывается, не есть как бы форма того, что подлежит, ни то, что подлежит, не есть как бы форма того, что сказывается, но оба [суть формы] чего-то иного: например, если скажешь: «белое есть сладкое» или «сладкое есть белое»: ни то, ни другое не есть как бы форма другого, но оба суть как бы формы молока или сахара. Итак, общее, которое обще роду, виду, различию, собственному и привходящему и делится на эти пять членов полным делением, так сказывается о вещах, по отношению к которым называется общим, что сказывается о них совершенно по одному и тому же основанию, или (что-то же) унивокально, но не против природы и не вне природы (каковые сказывания Аристотель охватывает именем сказывания по привходящему), а согласно природе, или прямо.

Глава II. Общее сказывается многими способами.

Далее, общее либо сказывается в вопросе «что есть», либо в вопросе «каково есть»; и опять — либо сущностно, либо привходящим образом; и ещё — либо необходимо, либо не необходимо, или случайно. Тем, что сказывается в вопросе «что есть», являются те [сказуемые], которые уместно подставляются, когда спрашивается, что нечто есть. Так сказывается «добродетель» о «справедливости» и «человек» о «Сократе», потому что, если кто спросит, что такое справедливость, что такое Сократ, уместно ответит тот, кто скажет, что справедливость есть добродетель, а Сократ есть человек. Тем, что сказывается в вопросе «каково есть», являются те [сказуемые], которые уместно подставляются, когда спрашивается, каково нечто есть. Так сказывается «причастное разуму», «прямостоящее» и другое подобное о Сократе. Ибо если кто спросит, каково животное Сократ, уместно ответит тот, кто скажет, что он причастен разуму, прямостоящ и таков. Тем, что сказывается сущностно, являются те [сказуемые], которые относятся к сущности подлежащего. Так сказываются о человеке и «животное», и «причастное разуму». Тем, что сказывается привходящим образом, являются те, которые не относятся к сущности подлежащего. Так «прямостоящее» сказывается о человеке, а «белое» — о лебеде. Тем, что сказывается необходимо (как здесь принимается необходимое сказывание), являются те, которые так утверждаются о подлежащем, что не могут быть о нём отрицаемы без необходимого разрушения подлежащего. Так «способный к науке» сказывается о человеке. Ибо если кто отрицает, что человек способен к науке, следует, что он отрицает, что тот же есть человек. Они потому сказываются о подлежащем столь твёрдым сказыванием, что либо относятся к сущности подлежащего, либо рождаются из внутреннейших начал сущности. Наконец, тем, что сказывается не необходимо, или случайно, являются те, которые так утверждаются о подлежащем, что могут быть о нём отрицаемы без разрушения подлежащего. Так «белое» сказывается не только о человеке, но и о лебеде. Ибо как не отрицает, что человек есть человек, тот, кто отрицает, что тот, кто бел, есть белый; так не отрицает, что лебедь есть лебедь, тот, кто бел, кто отрицает, что он бел. Ибо хотя это и говорится ложно, отсюда, однако не следует, чтобы лебедь назывался не-лебедем, так как белизна лебедя ни относится к его сущности, ни вытекает из внутреннейших его начал. Но подробнее разбирать это не относится к настоящему месту.

Глава III. О роде.

Итак, род есть нечто общее, под которым помещается вид, как «животное». Под ним ведь помещается «человек», который числится среди видов животного. Определяется он также так: род есть то, что сказывается о многих различных по виду в вопросе «что есть». Мы ведь говорим, что «животное» есть род человека и коня, поскольку оно есть общее, которое уместно подставляется, когда спрашивается, что такое человек, что такое конь. А различаться по виду называются те, которые либо суть различные виды, как человек и конь: либо содержатся под различными видами, как Александр и Буцефал, конь Александра. Далее, род двойствен: один — высший, другой — подчинённый, как говорят. Высшим родом называется та вещь, которая не имеет над собой никакого рода и которая, будучи родом, не есть также вид: как субстанция, качество и другое, о чём скажем ниже. Подчинённым же родом называется тот, над которым назначается другой род и который, будучи родом, есть также вид: как тело. Оно ведь в сравнении с субстанцией есть вид, а в сравнении с одушевлённым телом есть род. Латинские же авторы часто употребляют имя рода для любой общей вещи (даже в широком значении имени «общее»): как когда говорят, что есть много родов животных — человек, конь, лев и прочие; также что у медицины два рода подлежащих — здоровое и больное. Этим оборотом речи, поскольку он самый употребительный, мы часто пользуемся.

Глава III. О виде.

Вид есть то, что ближайшим образом помещается под некоторым родом: как «человек». Он ведь ближайшим образом содержится под «животным», которое есть род. Вид же двойствен: один — низший, другой — подчинённый. Подчинённым видом называется та вещь, под которой есть другой вид; или которая, будучи видом, есть также род: как «животное», «одушевлённое тело», «тело». Ибо каждое из них имеет под собой виды, в сравнении с которыми оно есть род, и над собой имеет некоторый род, по отношению к которому оно есть вид. Низшим же видом называется та вещь, под которой не помещается другой вид; или которая, будучи видом, не есть также род: как «человек». Ведь человек не имеет под собой никакого вида, но только единичные [вещи], родом которых он отнюдь не является. Отсюда происходит, что он получает иное название вида по отношению к ним, каковым вид определяется так: вид есть то, что сказывается только о тех многих, которые различаются лишь числом, в вопросе «что есть»: как «человек» — только о единичных людях, которые различаются лишь числом. Единичное есть то, что сказывается только об одной вещи, или, чьи все свойства, взятые вместе, не могут быть присущи многим вещам. По этим причинам мы говорим, что Сократ есть единичное: и потому, что он сказывается только о себе одном, и потому, что все его свойства, взятые вместе, не могут быть найдены и в другой вещи. Различаться числом называются те, которые различаются при исчислении, как Сократ и Платон, а также как человек и конь; но не как человек и животное. Ибо кто говорит «человек», тот одновременно говорит и «животное», так как человек, поскольку он человек, есть животное. А различаются лишь числом те, которые и суть единичные, и под своим родом не расходятся никаким общим различием. Так различаются Сократ и Платон, потому что и суть единичные люди, и под своим родом, который есть «животное», не различаются никаким общим различием, но только тем, что Сократ — это вот этот, Платон — тот; хотя под другим родом они могли бы различаться некоторым общим различием: например, если Сократ бел, а Платон чёрен. Не так различаются Александр и Буцефал, потому что под «животным» они различаются и другим различием, которое есть общее и присуще многим единичным: например, тем, что Александр причастен разуму, а Буцефал — непричастен. Цицерон об имени вида говорит так: «Формы суть то, что греки называют εἶδη, а наши, если кто этим случайно занимается, называют видами: и это не худо, но неудобно для изменения падежей в речи. Я не хотел бы, — хотя по-латыни и можно сказать — говорить "видов" и "видам", и часто этими падежами приходится пользоваться, но [хотел бы говорить] "формам" и "форм". А поскольку обоими словами обозначается одно и то же, удобством в речи, полагаю, пренебрегать не следует». Это Цицерон. Но диалектики не связаны такой религиозной строгостью слов.

Глава V. О различии.

Различием можно назвать ту форму, которой вещь либо отличается от себя в другое и другое время, либо от другой вещи. Оно же тройственно: общее, собственное и наиболее собственное. Общее различие — то, которое ни относится к сущности вещи, ни неотделимо от неё: как «сидеть», «стоять» и другое подобное. Собственное — то, которое неотделимо, но, однако не относится к сущности: как «иметь шрам, который уже покрылся рубцом», «иметь голубые глаза», «быть способным к науке» и подобное. Наиболее же собственное, которое называется и видовым, — то, которое и неотделимо, и относится к сущности вещи: как «быть телесным», «одушевлённым», «чувствующим», «разумным» и прочее подобное. Между этими родами различий есть широко простирающееся различие. Общими и собственными различиями вещи различаются только привходящим образом; наиболее же собственными — сущностно. Также общими и собственными [различиями] не делятся роды на виды и не даются определения видов; теми же, которые называются наиболее собственными, — делятся. И те первые суть либо свойства, либо привходящие, о которых ещё следует говорить; эти же отличаются от всех остальных общих [понятий].

Итак, у этих [различий], которые относятся к настоящему месту, насчитывается две обязанности: одна — что они делят роды, другая — что они образуют виды. Ибо как медь, будучи чем-то одним, однако разными фигурами и формами разводится, так что из неё и прибавления разных форм возникают разные искусственные вещи, как статуя и шар: так животное, которое есть род человека и зверя, будучи одной природы, однако разумным и неразумным, как бы разными различиями, делится, так что от их прибавления возникают человек и зверь, которые суть разные виды. Отсюда происходит, что различие уместно определяется так: различие есть то, чем вид превосходит род. Ведь вид состоит из рода и различия, присоединённого к роду, из чего, однако не состоит род. Также так: различие есть то, что так отделяет виды под одним родом, что относится к их сущности. Также так: различие есть то, что сказывается о многих различных по виду в вопросе «каково есть» необходимо и сущностно. Однако это определение не охватывает те различия, которые ближайшим образом образуют низшие виды, как «разумное». Но оно охватит все, если вычеркнешь, то «различных по виду». Ибо если кто спросит тебя, каковы животные Сократ и Платон согласно различию, необходимо присущему обоим и относящемуся к сущности обоих? — уместно ответишь, что они разумны, и так в остальном.

Различие же двойственно: одно — общее, другое — специальное. Общее образует вещь, которая не только есть вид, но и род: каково «телесное», которое образует тело, и «одушевлённое», которое образует одушевлённое тело, и «чувствующее», которое образует животное. Специальное ближайшим образом образует вещь, которая есть только вид, как «разумное», которое производит человека. Кроме этих есть и другое, которое ближайшим образом образует единичное, которое называется единичащим различием. Например, различие, которое, будучи присоединено к общему человеку, производит Сократа, называется единичащим различием Сократа; то же, которое производит Платона, называется единичащим различием Платона, и так далее.

Глава VI. О собственном.

Собственное у Аристотеля двойственно: сложное и простое. Сложное, поскольку оно есть речь, делится на определение и описание, — относится к другому месту. Имя же простого принимается четверою. Ибо и то, что присуще только некоторому виду, но не всему, называется собственным для него: как человеку — быть грамматиком. И то, что [присуще] всему, но не только: как человеку — быть двуного. И то, что только и всему, но не всегда: как человеку — сидеть. И наконец то, что только, и всему, и всегда: как человеку — быть способным смеяться. Из этих значений крайнее есть главное. Ибо наиболее называется собственным для вещи то, что с ней взаимно обращается; а всё, что называется собственным в четвёртом смысле, взаимно обращается с вещью, чьим собственным оно является: например, если скажешь: «Всё, что есть человек, способно смеяться», и наоборот: «Всё, что способно смеяться, есть человек», и так в остальном подобном; чего, однако в трёх предыдущих [смыслах] никогда не скажешь истинно, как достаточно ясно. И те предыдущие [смыслы] следует передать привходящему, которое мы сейчас изъясним, потому что они сказываются о виде не необходимо, а случайно, за исключением некоторых второго рода, каково «быть чувствующим» в смысле способности, или силы, к ощущению, и другого подобного. Они ведь сказываются необходимо и рождаются из самой сущности вещи: каковы условия привходящему не подходят, как скажем. Однако ни одно из них не есть собственное четвёртого рода у Порфирия, потому что ни одно не обращается с низшим видом, который он, когда говорит о собственном, понимает под именем вида только [низший вид].

Диалектики же, чтобы охватить все собственные, которые относятся к четвёртому общему, о котором мы теперь говорим, так определяют собственное. Собственное есть то, что сказывается о многих в вопросе «каково есть» привходящим образом и необходимо: как «способный ощущать», «способный к восприятию наук» и подобное. Ибо если кто спросит тебя, каков есть человек согласно тому, что ему присуще привходящим образом и необходимо, уместно ответишь, что он способен ощущать, способен к восприятию наук и другое подобное. Собственное же двойственно: одно — общее, которое обращается с вещью, которая есть род; другое — специальное, которое обращается с низшим видом. Пример того и другого мы только что привели: «способный ощущать» обращается с животным, «способный к восприятию наук» обращается с человеком.

Глава VII. О привходящем

Под именем привходящего мы иногда понимаем всё, что сказывается о вещи привходящим образом; в этом значении нет сомнения, что и собственное охватывается именем привходящего. Иногда же мы понимаем только то, что сказывается не только привходящим образом, но и случайно; в этом именно смысле привходящее отличается от собственного: итак, привходящее, принятое в этом значении, определяется как то, что присутствует и отсутствует без разрушения подлежащего. Также: то, что случается одному и тому же быть присущим и не присущим. И ещё: то, что не есть род, ни вид, ни различие, ни собственное, но присуще вещи. Смысл всех этих определений один. Но яснее определяется так: привходящее есть то, что сказывается о многих в вопросе «каково есть» привходящим образом и случайно: как «белое», «чёрное» и подобное. Ибо если кто спросит, каков есть Сократ согласно тому, что ему присуще привходящим образом и случайно, уместно ответит тот, кто скажет, что он бел, и так в остальном. Из привходящих же одни могут быть отделены самой вещью, как «сидеть» или «быть белым» от Сократа; другие же не могут быть отделены самой вещью, как «быть белым» от лебедя и «быть чёрным» от ворона. Однако все они могут быть отделены мыслью, то есть отрицаемы без уничтожения сущности подлежащего, поскольку сказываются о нём случайно. Выше ведь мы определили: «сказываться случайно» — то, что так утверждается о подлежащем, что может быть о нём отрицаемо без разрушения самого подлежащего.

Но кто-нибудь спросит, каким образом можно заключить, что общих [понятий] не больше, чем те пять, которые нами изъяснены. На этот вопрос можно дать такое основание. Общие [понятия] либо сказываются в вопросе «что есть», либо в вопросе «каково есть». Если в вопросе «что есть», то либо содержат в себе всю общую природу единичных, либо часть. Если часть — суть роды; если всю — суть виды. Если же сказываются в вопросе «каково есть», то либо сказываются сущностно, либо привходящим образом; если сущностно — суть различия; если привходящим образом, то либо сказываются необходимо, либо случайно; если необходимо — суть собственные; если случайно — суть привходящие. Итак, по этому основанию ясно, что общих [понятий] не больше, чем те пять, которые нами изложены. Итак, изъяснив это как-либо, приступим к предикаментам.

Глава VIII. Что такое предикамент.

Предикамент есть естественное расположение некоторого высшего реального рода из того, что под ним находится: как весь ряд субстанций, который состоит из самой субстанции вообще и из всех менее общих субстанций, расположенных некоторым естественным порядком вплоть до единичных, которые не содержат под собой ничего дальнейшего. Ибо под субстанцией вообще ближайшим образом должны помещаться субстанции телесные и бестелесные; под телесной — разрушимая и неразрушимая; под разрушимой — одушевлённая и неодушевлённая; под одушевлённой — животное и растение; под животным — человек и неразумное животное; под человеком — Сократ, Платон и остальные единичные люди; под которыми нет других низших субстанций, как и под другими единичными, до которых через деление остальных видов, которые мы оставили, необходимо дойти некоторым естественным нисхождением. Что такое высший род, уже выше изъяснено. Реальным же обычно называется то, чьё бытие нисколько не зависит от действия разума: как камень, дерево и все остальные вещи, которые существуют в мире. Итак, я сказал «реального рода», потому что вещи, которые сами по себе помещаются в предикаментах, должны быть реальными, как угодно философам. Отсюда происходит, что сущие разума, поскольку они не имеют никакого бытия, кроме как от действия разума, не помещаются сами по себе в предикаментах, но через те реальные сущие, которым они приписываются благодаря разуму. Например, само то, что есть высший род предикамента субстанции, быть сказуемым или подлежащим в том же предикаменте и другое подобное, — не помещается само по себе в предикаменте субстанции, потому что суть сущие разума, но потому некоторым образом говорится, что относится к нему, что вещи, которым они приписываются, как субстанция вообще и прочее, что мы сказали, в нём помещаются. Те же [вещи] я понимаю, как естественно расположенные под высшим родом, о любой из которых некоторым порядком высший род сказывается как о части подлежащего, сущностно, или (употребив слова Аристотеля) как о подлежащем. И поскольку они не суть иное, чем виды и единичные той вещи, которая называется высшим родом, то происходит, что только высший род со своими видами и единичными помещается сам по себе в предикаменте.

Поэтому ни общие различия, ни специальные, ни те, которыми низшие виды привлекаются к единичным (я называю их единичащими), ни, наконец, другие части — либо видов, либо единичных, — о которых высший род не сказывается как о подлежащих, — не помещаются сами по себе в предикаменте, но через те целые, которые они образуют. Однако собственные и приводящие тех родов, видов и единичных, которые сами по себе помещаются в предикаментах, смогут, если будут реальными сущими, сами по себе относиться к некоторому предикаменту. Ибо «быть способным смеяться», что есть собственное человека, и «быть белым», что есть приводящее Сократа, суть некоторые виды предикамента качества; также «быть в низшем месте», что есть собственное земли, и «согреваться», что есть приводящее воды, суть виды других предикаментов: это — страдания, то — существования в месте. И, чтобы сказать в итоге: всё, что само по себе помещается в остальных предикаментах, есть собственные или приводящие субстанций, поскольку всё в субстанциях, как в подлежащих, находится.

Глава IX. Что предикаментов десять и что всё, кроме Бога всеблагого и величайшего, некоторым образом относится к ним.

Философы насчитывают десять предикаментов. Первый — субстанции; второй — количества; третий — качества; четвёртый — отношения; пятый — действия; шестой — страдания; седьмой — существования в месте; восьмой — положения; девятый — существования во времени; десятый — одеяния, или покрова, который называется предикаментом обладания. К ним относятся все вещи, которые каким-либо образом могут либо быть, либо мыслиться. Так, одни относятся сами по себе, как животное и человек; другие — через свои целые, как различия, материя и форма; некоторые — через свои части, как «белый человек» — через человека и белизну, а некоторым образом и Химера — через части тех вещей, из которых она мыслится составленной; некоторые — через то, чему они приписываются, как «быть родом», «быть видом», «сказуемым», «подлежащим» и остальные сущие разума — через то, что называется родами и видами, или от другого сущего разума получает наименование; другие — иными способами. Итак, всё некоторым образом сводится к этим классам вещей, кроме Бога всеблагого и величайшего, к которому скорее, как к бесконечному морю всего бытия, эти самые предикаменты как бы реки возвращаются.

И поскольку имена употребляются вместо вещей, нет сомнения, что те же предикаменты могут быть поняты как бы составленные и из имён самих вещей: из одних — сами по себе, из других — путём сведения, как мы сказали о вещах. И таким образом диалектик рассматривает предикаменты преимущественно для того, чтобы в них, как в некоторых общих местах, иметь под рукой имена и глаголы для построения речи. Но поскольку из рассуждения о вещах без труда понимается расположение слов, достаточно будет изъяснить предикаментальные ряды в вещах. Это, однако следует делать «грубой Минервой», как говорят, чтобы не показалось, что мы забыли о нашем установлении.

Глава X. О субстанции.

Субстанция, которая сама по себе помещается в первом предикаменте, есть реальное сущее, само по себе существующее: как ангел, человек, камень. Я сказал «реальное» (каковое слово далее следует понимать во всех определениях), потому что ни одно из остальных сущих само по себе не относится к какому-либо предикаменту, как мы сказали немного выше; я добавил «само по себе существующее», то есть не существующее в другом как в подлежащем присуждения, потому что этим субстанция отличается от привходящих, которые относятся к другим предикаментам: привходящие, если не находятся в подлежащем присуждения, естественно существовать не могут; сама же субстанция естественно сама собой держится и существует.

Из субстанций же одни — первые, другие — вторые. Первые субстанции — те сущие, которые не находятся в подлежащем и не сказываются о подлежащем: то есть которые ни находятся в каком-либо подлежащем присуждения, ни о чём-либо, как о части подлежащего, сущностно не сказываются: как Сократ и Платон. Первой частицей исключаются привходящие, второй — роды и виды субстанций. Итак, это определение охватывает только и все единичные субстанции. Вторые субстанции — роды и виды, под которыми помещаются первые: как животное и человек, под которыми содержатся Сократ и Платон. Порядок видов субстанции из сказанного выше как-либо ясен.

Теперь перейдём к свойствам субстанций, относящимся к этому предикаменту. Из них передаются четыре более значительных. Первое — не быть в подлежащем, что ясно из определения субстанции. Второе — не иметь противоположного. Ибо поскольку все противоположные [вещи] находятся в подлежащем присуждения, как добродетель и порок, белизна и чернота; а никакая субстанция не находится в подлежащем, как сказано, — получается, что ничто из субстанции не противоположно. Третье — не допускать «более» и «менее», то есть не называться более или менее таковым. Мы ведь не говорим, что Сократ есть более или менее человек, чем он сам в другое время или чем кто-либо другой. Это можно наблюдать и в остальных субстанциях. Но эти свойства, или состояния, присущи и многому другому. Четвёртое же свойство, которое Аристотель утверждает, как наиболее присущее субстанции, таково: что, будучи одной и той же по числу, она может принимать в себя противоположные [качества]: как этот камень — тепло и холод.

Глава XI. О количестве.

Количество есть реальное сущее, само по себе протяжённое: как поверхность доски и двоица людей. Ибо доска протяжённа не сама по себе, а через поверхность, которую она имеет; Сократ и Платон также имеют числовую протяжённость не сами по себе, а через двоицу, которая в них усматривается. Сама же поверхность и сама двоица сами по себе протяжённы.

Количество Аристотель делит на два ближайших вида: на непрерывное и раздельное. Непрерывное количество — то, части которого соединяются некоторым общим пределом: как части линии — точкой; части поверхности — линией; части тела — поверхностью; части времени — точкой времени, или мгновением. А видами непрерывного количества передаются: линия, поверхность, тело, время и, сверх того, место. Но Аристотель, что касается места, по видимому, говорит по мнению других, распространённому в его время, которое он сам в другом месте не одобряет. Ибо он принимает место за пространство, занимаемое или могущее быть занятым любым телом, которое древние называли чем-то отличным от всякого тела, тогда как его вовсе нет. А есть ли непрерывность движения некоторый иной вид непрерывного количества — обсудим в другом месте. Раздельное количество — то, части которого не соединяются никаким общим пределом: как четверица. Ибо не найдёшь ничего, чем две двоицы, из которых она состоит, соединялись бы и как бы смыкались. У этого количества указываются два вида: число и речь; их — действительно ли они виды количества, относящиеся к этому предикаменту, — рассмотрим в другом месте.

Далее, у количества передаются три состояния. Первое — не иметь себе противоположного. Ибо противоположные [вещи] наиболее удалены друг от друга под одним родом; но нельзя найти двух количеств, которые под родом количества были бы наиболее удалены. Второе — не допускать «более» и «менее». Ибо ты не скажешь, что нечто есть более или менее двухлоктевое или трёхлоктевое, что ясно видишь во многих других количествах. Третье — что по количеству вещи называются равными и неравными. Ибо равные — те, чьё количество одно; неравные — те, чьё различно. И это состояние называется наиболее собственным для количества, потому что присуще только количеству, всему и всегда.

Глава XII. О качестве

Качество есть то, по чему вещи называются каковыми: именно в собственном и особом вопросе привходящего качества, как справедливость, наука, белизна и подобное. Ибо если кто спросит тебя, каков есть Сократ согласно привходящему, которое собственно называется качеством, — уместнейше ответишь, что он справедлив, знающ, бел или что-либо подобное.

У качества четыре ближайших вида. К первому относятся обладание и расположение. Обладание есть некое твёрдое и постоянное качество, которым природа вещи хорошо или дурно расположена: как добродетель и порок, например, здоровье и болезнь. Ко второму виду относятся природная способность и неспособность. Природная способность, или природная сила, есть некоторое природное качество, по которому каждая вещь легко действует или сопротивляется: как природная сила бегать и переносить труды. Природная неспособность, или слабость, есть качество, по которому каждая вещь с трудом действует или сопротивляется: как слабое здоровье Сократа и мягкость масла. К третьему виду относятся претерпеваемое качество и страдание. Претерпеваемое качество — долго пребывающее качество, которое либо движет чувство, либо рождается от некоторого движения: как долговременный цвет в теле и безумие в душе. Страдание — текучее и быстро преходящее качество, которое либо движет чувство, либо возникает от движения: как краснота, происшедшая от стыда, бледность от страха, гнев, радость и подобное. К четвёртому виду относятся форма и фигура. Форма, как здесь принимается, есть некоторый способ количества в некоторой природной вещи, рассматриваемой [как таковая]: как та форма человека или льва, которая возникает из очертаний тела. Фигура есть способ количества, взятого просто и в себе: как фигура треугольника, квадрата и прочие.

У качества три состояния. Первое — иметь нечто себе противоположное: ибо добродетели противоположен порок, и у многих других качеств находятся другие противоположные. Второе — допускать «более» и «менее»: как быть более или менее справедливым, более или менее белым. Третье, которое называется наиболее собственным состоянием качества, таково: что по нему вещи называются подобными и неподобными. Ибо подобные — те, чьё качество одно; неподобные — те, чьё различно.

Глава XIII. Об отношении.

Отношение есть то, по чему нечто, именно поскольку оно есть, относится к другому: как равенство, господство, рабство. Ибо равное, поскольку оно равно, равенством относится к равному себе; и господин, поскольку он господин, господством относится к рабу, который в свою очередь, поскольку он раб, относится к господину рабством. Соотносительные же — всё то, что, именно поскольку оно есть, относится к другому: как равное, господин, раб.

Из соотносительных же одни — равного сравнения (новейшие называют их «эквивалентными»), как равное, подобное, неравное, неподобное. Ибо равное относится к равному, подобное к подобному, неравное к неравному и неподобное к неподобному. Итак, то, к чему относятся такие соотносительные, имеет то же название и природу, что и они. Другие же — неравного сравнения, или разного названия, которые те называют «дисквипарантными»; у них два рода: одни называются большего сравнения, которые называют «наложением», как отец, господин, наставник и всё остальное, что достойнее того, к чему относится; другие с другой стороны им соответствуют и могут называться меньшего сравнения, как сын, раб, ученик и остальное менее достойное того, с чем сравнивается; они обычно называются «подложением».

У соотносительных передаются три главных свойства. Первое — что все соотносительные сказываются о том, что взаимно обращается, то есть о том, что в свою очередь сказывается о них: как отец о сыне, который в свою очередь сказывается об отце. Ибо как отец называется отцом сына, так в свою очередь сын называется сыном отца. Второе — что всякое соотносительное по природе одновременно с тем, к чему относится. А по природе одновременно называются те, из которых одно вместе с собой полагает и снимает другое: как господин — раба, и раб — господина. Ибо если нет господина, не будет и раба; и наоборот, если нет ни раба, ни господина. Третье свойство — что всякое соотносительное по природе таково, что если знаешь его, то знаешь и то, к чему оно относится, и наоборот. Ибо если кто знает, что Софрониск есть отец Сократа, необходимо, чтобы он знал и что Сократ есть сын Софрониска, и наоборот.

Впрочем, то, что мы сказали, собственно суть соотносительные и называются соотносительными по бытию. Другие же — те, которые изъясняются через некоторое отношение, сами, однако к этому предикаменту не относятся. И они диалектиками называются соотносительными, но не просто и не собственно, а с прибавлением — соотносительными по названию, как бы ты сказал: только по отношению к изъяснению природы, а не по отношению к самой природе; каковы обладание, наука и другое подобное: что полнее изложим в другом месте.

Глава XIII. О действии и страдании.

Действие есть акт, или совершенство, действующего, поскольку оно действующее. Страдание же есть акт, или совершенство, претерпевающего, поскольку оно претерпевающее. И действие, и страдание суть одна и та же вещь, которая, однако, поскольку она есть совершенство действующего, называется действием, а поскольку [совершенство] претерпевающего — называется страданием. Например, движение тепла, которым от огня подвергается вода, поскольку оно есть то, что принадлежит огню, который называется действующим, есть действие и называется действием; а поскольку оно есть то, что принадлежит воде, которая называется претерпевающей, есть страдание и называется страданием. Действия же и страдания частью происходят от тела, как «согреть» и «согреться»; частью от души или другой высшей причины, как «питаться», «расти», «волноваться движением желания или гнева» и другое подобное.

Действию и страданию приписываются два состояния. Первое — иметь противоположное. Ибо «согреть» и «охлаждать», «согреться» и «охлаждаться», «быть подверженным движению удовольствия и боли» — противоположны. Второе — допускать «более» и «менее». Ибо и то, что согревает или согревается, называется более или менее согревать, или согреваться; и то, что движется волнением боли или удовольствия, называется более или менее подверженным удовольствию или боли.

Глава XV. Что такое «где» и «быть в положении».

«Где», или быть где-либо, есть содержаться в месте: как на форуме, в храме. Двумя же способами тело содержится в месте: либо в общем, как Сократ в храме; либо в собственном, как вода в сосуде. Видами этого рода называются: быть вверху, внизу, впереди, позади, справа и слева.

«Быть в положении» — иметь части тела некоторым определённым образом расположенными по отношению к частям места: как стоять, сидеть, лежать; они называются положениями; частью они природные, как названные; частью неприродные, как если кто, обратившись к небу стопами, опирается на руки.

Глава XVI. Что такое «когда» и «иметь».

«Когда», или быть во времени, есть содержаться во времени: как «был в прошлом году», «есть в настоящем», «будет в будущем», «есть в месяце, в дне, в часе» и в подобных временах.

«Иметь» (как теперь мы употребляем этот глагол) есть быть одетым или украшенным некоторой одеждой или украшением: как «быть в тоге», «одетым в панцирь», «увенчанным митрой» и «носящим кольцо».

Итак, в этих десяти классах бесконечное множество вещей и имён содержится столь раздельно и распределённо, что легко увидеть, что к какой категории относится; и в любой категории — что чего общее или менее общее.

Глава XVII. О противоположных.

Но поскольку в этом рассмотрении категорий мы часто упоминаем противоположные, скажем кратко, что такое противоположные; и вообще разберём все роды противоположных (поскольку это будет весьма полезно). Итак, родов противоположных четыре: относительные противоположные, контрарные, привативные и противоречащие. Относительные противоположные — те, которые, чем бы они ни были, называются противоположными или каким-либо иным образом относятся к тем: как отец и сын и два подобных. Ибо отец называется отцом сына; и сын — сыном отца; это же подобное тому называется подобным тому, и то — этому.

Контрарно противоположные — это сами контрарные. Контрарными же называются те, которые под одним родом наиболее удалены и одному и тому же подлежащему попеременно присущи, если только одно из них не присуще от природы: как наука и заблуждение, добродетель и порок, тепло и холод, белизна и чернота. Ибо под обладанием, которое есть некоторый род качества, наиболее удалены и наука, и заблуждение, и добродетель, и порок; под претерпеваемым же качеством — и тепло и холод, и белизна, и чернота. Они также, как ясно, в одном и том же подлежащем присуждения попеременно присущи, поскольку взаимно друг друга из него изгоняют. Добавлено: «если только одно из них не присуще от природы», потому что на место того, чему от природы определено и как бы предписано быть присущим, не может вступить другое: по этой причине ни огонь не может охлаждать, ни лебедь быть чёрным, ни ворон белым, ни камень мягким, так как все они одно из противоположных присваивают себе по предписанию природы.

Далее, из контрарных одни непосредственные, другие опосредованные. Непосредственными называются те, из которых одно необходимо присуще собственному подлежащему: как здоровье и болезнь в сравнении с животным. Опосредованными же — те, из которых ни одно не необходимо присуще собственному подлежащему, если только одно не присуще от природы: как белый цвет и чёрный в сравнении со смешанным телом; и добродетель и порок в сравнении с человеком. Ибо между такими контрарными даны средние, которыми могут быть расположены собственные подлежащие контрарных, при удалении обоих контрарных. Эти средние частью названы, как жёлтый цвет и смуглый между белизной и чернотой; частью не имеют имени, как то, что находится между добродетелью и порочностью, чем, как мы говорим, расположены люди, от природы безумные. Но средние, не имеющие имени, могут быть названы через отрицание крайних: как если скажешь: «То, что не есть ни честность, ни порочность, есть среднее между добродетелью и пороком».

Привативно противоположные — обладание, или форма, и лишённость формы. Под именем обладания, или формы, понимай всё, что некоторым образом прилежит вещи: как зрение — глазам, слух — ушам, речь — языку, свет — воздуху, волосы — голове, одежда — телу. Лишённость же есть отрицание такой формы в подлежащем, по природе способном, и в время, установленное природой, чтобы форма была присуща: каковы слепота, глухота, немота, темнота, плешивость, нагота. Я сказал «в подлежащем, по природе способном», потому что отрицание формы в подлежащем, по своей природе вовсе не способном, не есть лишённость. Поэтому мы не называем камни слепыми, глухими или немymi, потому что они по природе не способны видеть, слышать или говорить. Я добавил: «и в время, установленное природой, чтобы форма была присуща», потому что подлежащее до того времени, которое установлено природой, чтобы иметь форму, никоим образом не может называться лишённым её. Отсюда происходит, что щенок до седьмого дня, когда минимально установлено природой, чтобы он открыл глаза, не должен называться слепым; и ребёнок до седьмого года, если не пользуется умом, не должен называться безумным, потому что тогда впервые почти предписано природой, чтобы он пользовался умом и разумом. Лишённость же двойственна. Одна, от которой

не может естественно произойти возврат к обладанию: как слепота, плешивость; другая, от которой естественно происходит возврат: как темнота, нагота и подобное. Всё это для немного внимательного ясно.

Противоречащими противоположными называются те, между которыми в сравнении с любым [подлежащим] не дано никакого среднего: то есть из которых одно необходимо сказывается о любом — либо сущем, либо не-сущем. Каким образом это следует понимать, изложим в другом месте. Примеры же: человек — не-человек, камень — не-камень, белое — не-белое. Ибо конь, Химера и что-либо иное, что некоторым образом может быть или мыслиться, есть человек или не-человек; камень или не-камень; белое или не-белое, и так в остальном: чего мы вовсе не усматриваем в высших родах противоположных. Конь ведь, чтобы ты понял дело на одном примере, не есть ни господин, ни раб, ни также наделённый добродетелью или порочностью, ни, опять же, способный говорить или немой.

Это о сочетании и расположении имён и глаголов в десять категорий. Непосредственно следовало бы говорить об употреблении имён, которое младшие называют «суппозицией терминов», если бы не казалось удобнее отложить это и некоторые другие свойства имён к той части, где следует рассуждать об опровержении уловок софистов. Поэтому, держась установленного с самого начала порядка, теперь скажем о речи.

Книга третья.

Глава I. Что такое речь.

Речь есть голос, обозначающий по установлению, некоторая часть которого обозначает отдельно: как «Сократ есть философ», «Сократ мудр», «всякий человек», «книга Аристотеля» и остальные подобные голоса, соединённые некоторой грамматической связью. Ибо многие слова, не соединённые никакой грамматической конструкцией, как «небо», «земля», «камень», «дерево», — как никоим образом не суть один голос, так никоим образом не суть речь. Второй частью определения отвергаются имя, глагол и другие простые голоса, обозначающие по установлению, потому что никакая часть таких голосов не обозначает отдельно в самой структуре целого голоса; а в составе речи всегда некоторая [часть] обозначает. Это не понимай так, будто одна только часть речи должна обозначать отдельно или будто хотя бы одна. Ибо все слова, которые принимаются для построения речи, должны быть обозначающими, если верно то, что утверждают диалектики: значение всей речи складывается из значений частей, то есть слов, из которых состоит речь. Но то, что Аристотель это сказал, понимай так: чтобы отличить речь от имени и глагола; для установления этого различия достаточно, если хотя бы одна часть речи признаётся обозначающей сама по себе, тогда как ни одна часть имени или глагола не обозначает отдельно. Итак, можно будет сказать, что речь есть понимание многих слов, обозначающих по установлению.

Заметь, однако, что речь может состояться двумя способами из слов, обозначающих сами по себе в ней: одним — явно, или выразительно, как если скажешь: «никакой человек», «никакая вещь», «во всяком месте», «во всяком времени»; другим — скрыто, или в возможности, как если скажешь: «никто», «ничто», «везде», «всегда». «Ибо хотя эти последние голоса выразительно не состоят из тех же частей, что предыдущие, однако, поскольку они обозначают совершенно то же, что и те, и столько же понятий запечатлевают в душе, сколько те», — говорится, что они в возможности состоят из тех же частей. Итак, хотя у диалектиков голоса по значению должны считаться речами и потому просто речами. Причина этого в том, что у диалектиков следует учитывать скорее значение, чем голос. Отсюда происходит, что речь, которая имеет много смыслов, какова та: «Я говорю, что ты, Эакид, римлян можешь победить», — просто не есть речь, но речи: как имя, которое обозначает многое, как «Gallus», не есть просто имя, но имена, как мы сказали выше. Итак, всё это мы утверждаем потому, что полагаем, что в речи и её частях следует усматривать скорее значение, чем голос.

Глава II. О совершенных и несовершенных речах.

Из речей же одни совершенные, другие несовершенные. Совершенная речь — та, которая изъясняет законченную мысль: как «Бог есть высшее благо». Несовершенная — та, которая не изъясняет законченной мысли; она кажется двойственной. Ибо одна обозначает несовершенную и как бы усечённую мысль: как «так вы не для себя», «бояться Бога», «если мы будем бояться Бога» и другое подобное, услышав которые мы ожидаем чего-то сверх. Другая же не обозначает никакой мысли, даже несовершенной и усечённой: как «разумное животное», «непрерывное количество», «книга Аристотеля», «трактат о речи» и другое этого рода; когда кто их произносит, не кажется, что этим родом речи он обозначает, что хочет идти дальше. Ибо такие речи обозначают по обычаю имён и глаголов, которые, как говорит Аристотель, внушают уму такое понимание, что слушающий успокаивается. Первые состоят из глаголов или союзов и других частиц, сила которых не заканчивается в той только речи, которая произносится; последние — по большей части из существительного и прилагательного или прямого и косвенного падежа. Ибо поскольку прилагательное заканчивается и завершается в своём существительном, а часто сила косвенного [падежа] — в своём прямом, такие речи не удерживают душу слушающего, как и имя само по себе или глагол, как говорит Аристотель.

Из совершенных же одни — желательные, как «О если бы Юпитер вернул мне прошедшие годы». Другие — вопросительные, как «Но вы, кто вы? от каких берегов пришли? куда держите путь?» Другие — просительные, как «Пощадите, дарданцы, о стольких, молю, врагах единого». Другие — повелительные, как «Учись, мальчик, доблести от меня и истинному труду, счастью — от других». Другие — повествовательные, как «Толпа проверяет дружбу пользой». А из совершенных речей только повествовательные (которые называются и высказываниями, и изречениями, и произнесениями, а часто и предложениями), опустив остальные, поскольку они относятся к ораторам и поэтам, рассматривает диалектик. Ибо то, что он не вовсе отвергает вопросительные, он делает потому, чтобы от отвечающего получить высказывания, которыми будет аргументировать.

Глава III. О высказывании и его делении на простые и соединённые, а простых — на абсолютные и модальные.

Итак, высказывание есть совершенная речь, обозначающая истинное или ложное: как «Бог есть высшее благо», «Если ты увидишь Бога, насладишься изобилием всех благ» — каковы предложения истинны. Также: «То, что честно, не есть само по себе желаемое», «Если ты будешь обладать всеми сокровищами мира, ты будешь истинно счастлив» — каковы ложны. Истинным называется то высказывание, которое обозначает, что то, что есть, есть, или что того, чего нет, нет; ложным же — которое обозначает, что то, что есть, не есть; или что то, чего нет, есть.

Далее, из высказываний одни простые, другие соединённые. Из простых одни абсолютные, которые называются «о присущем», другие модальные. Простое высказывание — то, которое высказывает одно об одном, будет ли это одно простым или составленным из многого: как если скажешь: «человек есть животное», «человек есть разумное животное», «человек справедливый есть разумный», «человек честный есть простой и разумный». Соединённое высказывание, которое Аристотель называет одним по соединению, а другие — гипотетическим, — то, которое из простых связывается некоторым соединением: как «если день есть, свет есть». В их число следует поместить и те, которые состоят из речей, легко сводимых к простым: как «если бы день был, свет был бы». Ибо такие соединённые высказывания если не актуально, то по крайней мере в возможности и силе составляются из простых.

Абсолютное высказывание — то, которое абсолютно обозначает, что нечто присуще или не присуще чему-либо: как «человек есть животное», «человек не есть камень». Модальное же — то, которое высказывает, каким образом нечто присуще или не присуще чему-либо: как «человек необходимо есть животное», «человек необходимо не есть камень», «человеку быть животным есть необходимое», «человеку не быть камнем есть необходимое». Итак, мы будем следовать этому порядку: сначала скажем об абсолютных, затем о модальных, наконец о соединённых высказываниях.

Глава III. О качестве, количестве и материи абсолютных высказываний.

В абсолютных высказываниях следует усматривать преимущественно три [вещи]: качество, количество и материю. Качество их двойственно: сущностное и привходящее. Сущностное качество есть соединение сказуемого с подлежащим; привходящее же — истинность, ложность и остальные привходящие соединения.

Количество есть протяжённость или числовое единство тех вещей, вместо которых подлежащее принимается под сказуемым. Ибо часто оно принимается за многое, и это многими способами: как если скажешь: «всякий человек способен к науке», «некий человек справедлив». Часто также только за одну вещь: как если скажешь: «этот человек справедлив».

Материя таких высказываний есть отношение, или состояние, сказуемого к подлежащему, которое в некоторых необходимо, как в этом: «человек есть животное»; в других же случайно или невозможно, как вскоре станет ясно, когда мы будем говорить о высказываниях из необходимой, случайной и невозможной материи.

Глава V. Различные роды абсолютных высказываний.

Итак, абсолютные высказывания разделяются у Аристотеля многими делениями. Сначала — на утверждения и отрицания; затем — на общие, частные, неопределённые и единичные; после — на необходимые, случайные и невозможные; далее — на конечные и бесконечные; наконец — на те, которые состоят из простого подлежащего и сказуемого, и на те, которые состоят из того и другого как соединённого.

Итак, абсолютное утверждение есть абсолютное высказывание чего-либо о чём-либо, то есть речь, которой нечто чему-либо абсолютно приписывается: как «человек есть животное», «человек есть камень». Отрицание же есть абсолютное высказывание чего-либо от чего-либо, то есть речь, которой нечто от чего-либо абсолютно удаляется: как если скажешь: «человек не есть камень», «человек не есть животное». Это деление называется по сущностному качеству, потому что происходит по причине связки, или соединения, сказуемого с подлежащим, которое есть сущностная форма высказывания.

Общее высказывание — то, подлежащее которого отмечается общим знаком: как «всякий человек есть животное». Общие знаки либо всеобщие вполне, как «всякий», «никакой», «какой угодно»; либо до определённого числа, как «тот и другой», «ни тот ни другой» и если есть другие подобные.

Частное высказывание — то, подлежащее которого отмечается частным знаком: как «некий человек есть грамматик». Частные знаки либо просто частные, как «некий», «какой-то»; либо частные из определённого числа, как «один из двух».

Заметь, однако, что знаки просто общие при предположении отрицания становятся частными, а просто частные при том же предположении становятся общими. Ибо «не всякий» и «не никакой» — частные; «не некий» и «не какой-либо» — общие, как поймёшь из равнозначности высказываний.

Неопределённое высказывание — то, подлежащее которого, взятое вместо многих вещей, не отмечается никаким знаком: как «человек есть грамматик», «человек причастен разуму». Единичное высказывание — то, подлежащее которого принимается только за одну единичную вещь: как «Сократ есть философ», «этот человек есть философ», «сын Софрониска есть философ». К этому роду сводятся те высказывания, подлежащие которых принимаются за общие вещи в точном смысле: как «человек есть вид». Ибо поскольку их подлежащие не принимаются за многое, не может быть, чтобы они были общими, частными или неопределёнными. Следовательно, их следует свести к единичным, подлежащие которых также не принимаются за многое. Это деление высказывания называется по количеству, потому что происходит по числу тех вещей, вместо которых принимаются подлежащие высказываний.

Необходимое высказывание — то, которое истинно так, что не может быть ложным: как «человек есть животное», «лебедь бел». В этот род обычно помещают все утвердительные из необходимой, или природной, материи и все отрицательные из невозможной, или отдалённой, материи, о которых скажем вскоре. А то, что [сказано] о высказывании из необходимой материи, тогда верно, когда сказуемое простирается не менее широко, чем подлежащее. Ибо если сказуемое будет уже, может случиться, что утвердительное будет ложным: как если скажешь: «всякое животное есть человек», «всякое животное способно к науке», которые, однако из необходимой материи, как тотчас станет ясно.

Случайное высказывание — то, которое, не будучи необходимым, может, однако быть истинным. Оно может быть и истинным, и ложным: как «человек есть грамматик», «человек не есть грамматик». Таковы все высказывания из случайной материи, которые тотчас изясним. Невозможное высказывание — то, которое ложно так, что не может быть истинным: как «человек есть камень», «лебедь не бел». Таковыми называются все утвердительные из невоз-

можной материи и все отрицательные из необходимой материи. То, что [сказано] о состоящих из необходимой материи, понимай, как верное тогда, когда сказуемое не уже подлежащего. Ибо если оно простирается менее широко, они могут быть необходимыми: как если скажешь: «некое животное не есть человек», «некое животное не способно к науке». Это деление — по способности высказывания к истине и лжи. Но поскольку эта способность рождается из материи высказывания, следует здесь изъяснить высказывания, состоящие из необходимой, случайной и невозможной материи.

Высказывание из необходимой, или природной, материи — то, сказуемое которого не может не быть присуще подлежащему: как «человек есть животное», «человек не есть животное»; все вообще, в которых высшее сказывается о низшем утвердительно или отрицательно; или различия — о вещах, которые они образуют; или собственные — о тех подлежащих, чьи природы они сопровождают, или о высших подлежащих; или неотделимые привходящие — о вещах, от которых они не могут быть отделены; или наоборот, то есть низшее о высшем, и остальное в обратном порядке: все такие сказывания, утверждают ли они или отрицают, происходят в необходимой и природной материи, хотя не все суть природные, или прямые, как ясно из сказанного выше.

Высказывание из случайной материи — то, сказуемое которого может и быть присуще, и не быть присуще подлежащему: как «человек есть грамматик», «человек не есть грамматик», и все, в которых отделимое привходящее сказывается о вещи, чьим привходящим оно является, утвердительно или отрицательно.

Высказывание из невозможной, или отдалённой, материи — то, сказуемое которого не может быть присуще подлежащему: как «человек есть камень», «лебедь чёрен». Это деление называется по материи, потому что происходит по отношению сказуемого к подлежащему, которое мы назвали материей высказывания.

Нельзя, однако опустить, что неопределённые высказывания — и по способу своего обозначения, и по причине случайной материи, поскольку они из неё состоят, — значат то же, что частные. По той и другой причине это высказывание «человек справедлив» считается ничем не отличающимся от этого: «некий человек справедлив», и так остальные. Но то, что обычно добавляют — что неопределённые из необходимой и невозможной материи по причине материи значат то же, что общие, — хотя в отношении тех, которые состоят из невозможной материи, кажется верным, в остальных, однако мне не одобряется. Ибо эти из необходимой материи: «животное есть человек», «животное не есть человек», «животное способно к науке», «животное не способно к науке» и другие подобные, как мы сказали, — однако не считаются значащими то же, что общие. Они ведь допускаются просто как частные. Но те, кто это говорит, не думают, что они из необходимой материи, потому что сказуемые простираются менее широко, чем подлежащие; что, однако ничего не значит, как в другом месте научим, хотя иногда, при менее тщательном рассмотрении дела, мы думали, что это что-то значит.

Конечное высказывание — то, все имена которого, или категорематы, конечны: как «человек справедлив». Бесконечное же — то, некоторый категоремат которого бесконечен: как «человек есть несправедливый», «Сократ есть человек несправедливый». Если же скажешь: «Сократ есть раб несправедливого», — не будет бесконечным высказыванием, потому что-то «несправедливого» не есть категоремат.

Высказывание из соединённого крайнего [термина] — то, подлежащее или сказуемое, или и то и другое само по себе есть одно нечто, соединённое из многих категорематов: как «Сократ есть человек справедливый», «человек справедливый есть мудрый», «человек справедливый есть простой и разумный». Если же скажешь: «Сократ есть простой, разумный», — не будет высказыванием из соединённого крайнего [термина], потому что категорематы, которые сказываются, не соединяются никакой связью, чтобы быть одним сказуемым; из чего следует, что они образуют не одно простое высказывание, но многие.

Высказывание из простого крайнего [термина] — то, ни подлежащее, ни сказуемое которого не соединяется из многих категорематов: как «Сократ есть мудрый», «Сократ философствует». Это о различных родах абсолютных высказываний. Теперь скажем об их противоположении, равнозначности и обращении.

Глава VI. О противоположении абсолютных высказываний.

Противоположение, как оно усматривается в абсолютных высказываниях, есть противоположность двух абсолютных высказываний, состоящих из одного и того же подлежащего и сказуемого, по утверждению и отрицанию: как если скажешь: «этот человек справедлив», «этот человек не справедлив». Далее, противоположные высказывания, если будут общими, будут контрарными: как «всякий человек справедлив», «никакой человек не справедлив». У них то условие, что они не могут быть одновременно истинными; хотя могут быть одновременно ложными — либо в случайной материи, как ясно из приведённого примера, либо в необходимой: как если скажешь: «всякое животное способно к науке», «никакое животное не способно к науке». Если же будут частными, назовутся субконтрарными: как «некий человек справедлив», «некий человек не справедлив». У них условие — не могут быть одновременно ложными, хотя могут быть одновременно истинными — либо в случайной материи, как видишь в этом примере, либо в необходимой: как если скажешь: «некое животное способно к науке», «некое животное не способно к науке». То же скажешь и о неопределённых, с учётом их способа обозначения. Если же одна будет общей, другая частной, или обе единичными, — будут противоречащими, или контрадикторными: как «всякий человек справедлив», «некий человек не справедлив»; «никакой человек не справедлив», «некий человек справедлив»; «Сократ справедлив», «Сократ не справедлив». У них то условие, что они никогда не могут быть ни одновременно истинными, ни одновременно ложными. То же скажешь, когда подлежащее принимается за одну и ту же общую вещь в точном смысле: как если скажешь: «человек есть вид», «человек не есть вид».

Если же кто спросит, всегда ли в любом противоречии одна из противоречащих [сторон] истинна, а другая ложна, — следует ответить, что дело обстоит так, кроме противоречий относительно будущего случайного: как если скажешь: «этот человек умрёт завтра», «этот человек не умрёт завтра». Ибо ни одно из этих двух высказываний, взятое определённо, не истинно и не ложно; то же следует сказать и об остальных подобных. Но этот вопрос требует другого, более просторного места.

Многие добавляют четвёртый род противоположения, который называют подчинённым: именно двух высказываний, утверждающих или отрицающих одно и то же о одном и том же, но так, что одна утверждает в целом, а другая — в части; они потому называются подчинёнными, что одна помещается под другой. Таковы эти два высказывания: «всякий человек справедлив», «некий человек справедлив»; также эти: «никакой человек не справедлив», «некий человек не справедлив». Но такие подчинённые высказывания не называются правильно противоположными, потому что не противоположны между собой по утверждению и отрицанию; к тому же и не по истине или лжи. Ибо из истины общего, которое называется подчиняющим, заключается истина его частного; а из ложности частного, которое называется подчинённым, заключается ложность его общего; что в тех же примерах легко усмотреть. Итак, поскольку нелепым кажется говорить, что противоположны те высказывания, которые не противоположны ни по истине, ни по лжи, — напротив, одно влечёт за собой другое, — получается, что и по этой причине подчинённые не должны числиться среди противоположных.

Более того, субконтрарные, если говорить собственно о противоположении и его условиях, не должны помещаться в число противоположных: и потому, что одна не истинно отрицает то, что утверждала другая, и потому, что не есть собственное условие противоположения — противоположность по лжи, но по истине. Отсюда происходит, что Аристотель во второй

книге «О первой аналитике» справедливо говорит, что субконтрарные высказывания не суть поистине противоположные, но только по названию. Всё это видишь на этой фигуре.

Противоположение абсолютных (категорических) высказываний

Эта схема показывает отношения между четырьмя типами простых категорических высказываний, различающихся по количеству (общее / частное) и качеству (утвердительное / отрицательное).

В **верхнем левом углу** стоит общее утвердительное высказывание: «Omnis Homo est Iustus» — «Всякий человек справедлив». Оно обозначено как **Subalternans**, то есть «подчиняющее».

В **верхнем правом углу** стоит общее отрицательное высказывание: «Nullus Homo est Iustus» — «Никакой человек не справедлив». Оно также обозначено как **Subalternans**, то есть «подчиняющее».

В **нижнем левом углу** стоит частное утвердительное высказывание: «Quidam Homo est Iustus» — «Некий человек справедлив». Оно обозначено как **Subalterna**, то есть «подчинённое».

В **нижнем правом углу** стоит частное отрицательное высказывание: «Quidam Homo non est Iustus» — «Некий человек не справедлив». Оно также обозначено как **Subalterna**, то есть «подчинённое».

В **центре схемы**, под левым нижним углом, стоит единичное утвердительное высказывание: «Socrates est Iustus» — «Сократ справедлив». Оно обозначено как **Subalternata**, то есть «подчинённое» (в более узком смысле).

В **центре схемы**, под правым нижним углом, стоит единичное отрицательное высказывание: «Socrates non est Iustus» — «Сократ не справедлив». Оно также обозначено как **Subalternata**.

Отношения между этими высказываниями обозначены на схеме следующим образом.

Contraria — «Контрарные» — это отношение между верхним левым и верхним правым высказываниями, то есть между «Всякий человек справедлив» и «Никакой человек не справедлив». Они не могут быть одновременно истинными, но могут быть одновременно ложными.

Subcontraria — «Субконтрарные» — это отношение между нижним левым и нижним правым высказываниями, то есть между «Некий человек справедлив» и «Некий человек не справедлив». Они не могут быть одновременно ложными, но могут быть одновременно истинными.

Contradicientes — «Противоречащие» — это отношение между верхним левым и нижним правым высказываниями, а также между верхним правым и нижним левым. То есть между «Всякий человек справедлив» и «Некий человек не справедлив», а также между «Никакой человек не справедлив» и «Некий человек справедлив». Они не могут быть ни одновременно истинными, ни одновременно ложными.

Subalternans и **Subalterna** — «Подчиняющее» и «Подчинённое» — это отношение по вертикали: между верхним левым и нижним левым, а также между верхним правым и нижним правым. Из истинности подчиняющего (общего) следует истинность подчинённого (частного). Из ложности подчинённого следует ложность подчиняющего. Обратное неверно.

В тексте, сопровождающем схему, Фонсека поясняет, что **субконтрарные** и **подчинённые** высказывания не называются в строгом смысле «противоположными» (*oppositae*), потому что они не исключают друг друга полностью: одно влечёт за собой другое. Поэтому они не должны числиться среди противоположных в собственном смысле.

Глава VII. О равнозначности высказываний о присущем.

Равнозначными и эквивалентными называются здесь абсолютные высказывания, состоящие из одного и того же подлежащего и одного и того же сказуемого, которые различаются одним или другим отрицанием, но, однако значат то же и взаимно друг друга влекут: как эти два: «всякий человек справедлив», «не некий человек не справедлив». Поскольку познание этого немало содействует изъяснению более тёмных высказываний, следует отметить эти правила. Первое: отрицание, предпосланное подлежащему любого высказывания и знаку, если оно имеет знак, делает его равнозначным противоречащему. По этому правилу ты рассудишь, что эти высказывания значат то же: «не всякий человек справедлив», «некий человек не справедлив»; потому что, если бы ты не предпослал отрицание подлежащему первого, они были бы, без сомнения, противоречащими. Тем же искусством рассудишь, что эти равнозначны: «всякий человек справедлив», «не некий человек не справедлив». «Сократ справедлив», «не Сократ не справедлив», и так остальные подобные. Второе: отрицание, поставленное после подлежащего общего высказывания, делает его равнозначным контрарному. По этому правилу рассудишь, что эти равнозначны: «всякий человек не справедлив», «никакой человек не справедлив»; и эти: «всякий человек справедлив», «никакой человек не не справедлив». То же основание в субконтрарных, как станет ясно на опыте. Третье: отрицание, предпосланное и поставленное после подлежащего общего или частного высказывания, делает его эквивалентным подчинённому. По этому документу мы понимаем, что эти высказывания значат то же: «не всякий человек не справедлив», «некий человек справедлив»; и эти: «никакой человек не справедлив», «не некий человек справедлив». Ибо хотя в этом последнем сочетании ты не видишь, что подлежащее второго высказывания имеет отрицание, поставленное после, но только предпосланное, однако поскольку подчинённое высказывание предыдущего так имело: «некий человек не справедлив» — с отрицанием, несомненно, поставленным после подлежащего, — не нужно было снова ставить отрицание после, но скорее снять его. Ибо ты сделаешь то же, снимая поставленное отрицание и ставя непоставленное; это ты тщательно соблюдёшь и в остальных правилах. Все эти правила диалектики охватывают этим стихом:

«Præ contradict, Post Contra, Præ, Postque Subalter».

Смысл его таков. Предпосланное отрицание делает так, что противоречащие значат то же; поставленное после — что контрарные; предпосланное же и поставленное после — что подчинённые. Четвёртое: общее высказывание равнозначно совокупности всех своих единичных: как это «всякий человек справедлив» — этой речи: «этот человек справедлив, и этот человек справедлив, и так остальные»; также это «никакой человек не справедлив» — этой: «этот человек не справедлив, и этот человек не справедлив, и так остальные». Пятое: частное высказывание равнозначно разделению всех своих единичных: как это «некий человек справедлив» — этой речи: «этот человек справедлив, или этот человек справедлив, и так остальные»; и это «некий человек не справедлив» — этой: «этот человек не справедлив, или этот человек не справедлив, и так остальные раздельно».

Глава VIII. Об обращении абсолютных высказываний.

Обращение, или *reciprocatio*, как оно здесь принимается, есть перестановка крайних [терминов] высказывания с сохранением качества и истины. Как если скажешь: «наука не есть добродетель, следовательно, добродетель не есть наука».

Высказывание, крайние [термины] которого переставляются, называется обращённым; то же, которое получается из переставленных крайних, называется обращающим. Сохранять качество — значит делать обращающее утвердительным из утвердительного обращённого и отрицательным из отрицательного. Сохранять истину — значит делать из истинного обращённого истинное обращающее.

Обращение же тройственно: простое, по привходящему и через противопоставление. Простое обращение, которое называется также обращением в терминах, — то, в котором сохраняется то же количество и не прибавляется никакая другая частица; так обращаются общее отрицательное и частное утвердительное: как если скажешь: «никакой человек не есть камень, следовательно, никакой камень не есть человек»; «некий человек бел, следовательно, некое белое есть человек». Этим родом обращения не обращаются ни общее утвердительное, ни частное отрицательное: потому что если эти высказывания захочешь обратить этим родом обращения, ты дашь истинные обращённые и ложные обращающие: как если скажешь: «всякий человек есть животное, следовательно, всякое животное есть человек»; «некое животное не есть человек, следовательно, некий человек не есть животное». Обращение по привходящему, которое иначе называется обращением в части, — то, в котором количество общего меняется на частное, то есть в котором из общего обращённого получается частное обращающее; так обращаются общие высказывания — и утвердительные, и отрицательные: как если скажешь: «всякий человек есть животное, следовательно, некое животное есть человек»; «никакой человек не есть камень, следовательно, некий камень не есть человек». Не передаётся же другое обращение, соответствующее этому, в котором именно количество частного менялось бы на общее, потому что в этом переходе весьма часто не сохраняется истина: как если скажешь: «некий человек бел, следовательно, всякое белое есть человек»; «некий человек не есть грамматик, следовательно, никакой грамматик не есть человек».

Обращение через противопоставление есть обращение, в котором сохраняется то же количество и через прибавление отрицаний из конечных простых крайних [терминов] делаются бесконечные; так обращаются общее утвердительное и частное отрицательное: как если скажешь: «всякий человек есть животное, следовательно, всякое не-животное есть не-человек»; «некое животное не есть зверь, следовательно, некое не-зверь не есть животное».

Запоминаются они одним двустижием:

«Feci Simpliciter convertitur, Eva per Acci, Asto per Contra, sic fit Conversio tota».

В нём те три слова Feci, Eva, Asto содержат четыре гласные, из которых А означает общее утвердительное, Е — общее отрицательное, I — частное утвердительное, О — частное отрицательное. Остальное ясно из сказанного. Этого о высказываниях, которые объявляют, что нечто абсолютно присуще или не присуще, сказанного достаточно; теперь перейдём к тем, которые называются модальными.

Глава IX. Сколько родов и формул модальных высказываний.

Модальное высказывание, как мы сказали выше, — то, которое высказывает, каким образом нечто присуще или не присуще чему-либо. У него четыре рода: из необходимого, из случайного, из возможного и из невозможного. Модальные из необходимого — те, которые высказывают, что нечто есть необходимое или не необходимое. Модальные из случайного — те, которые высказывают, что нечто есть случайное или не случайное. Из возможного же — те, которые высказывают, что нечто возможно или невозможно. Из невозможного, наконец, — те, которые [высказывают] невозможное или не невозможное. Необходимое есть то, что не может не быть: как «человеку быть животным». Случайное есть то, что может быть и не быть: как «Сократу быть грамматиком». Возможное, которое считается общим для необходимого и случайного, есть то, что может быть, — может ли оно не быть или может. Примеры уже приведены. Невозможное, наконец, есть то, что не может быть: как «человеку быть камнем».

Далее, каждый род модальных может быть выражен только двумя формулами. Одна — если модус (то есть слово, которым мы обозначаем способ, каким нечто присуще или не присуще чему-либо) есть наречие: как если скажешь: «человек необходимо есть животное», «Сократ случайно есть грамматик», и так в остальном. Другая — если модус есть имя, которое высказывается о речи, составленной из глагола в неопределённом наклонении, которая называется «сказанным»: как если скажешь: «человеку быть животным есть необходимое»; «Сократу быть грамматиком есть случайное», и так в остальном. Ибо только этими двумя родами речи мы можем высказать в «осуществлённом акте», как говорят, каким образом нечто присуще или не присуще чему-либо; так следует понимать глагол «высказывать» в описании модальных. Ибо если в «означенном акте», как говорят диалектики, ты выскажешь, каким образом нечто присуще или не присуще чему-либо, а именно высказывая модус о некотором голосе, который обозначает «сказанное» или высказывание, содержащееся в «сказанном», — ты не создашь, конечно, модального высказывания, но поистине абсолютное. Ибо эти абсолютны: «Это сказанное: человеку быть животным — есть необходимое». «Это высказывание: Сократ есть грамматик — есть случайное»; это мы изложим в другом месте. Итак, модальные высказывания образуются только двумя формулами, как сказано.

Различаются же эти две формулы преимущественно по трём основаниям. Во-первых, потому что в первой модус есть наречие, во второй — имя. Затем, потому что в первой модус не сказывается, но определяет связку высказывания, а во второй сказывается. Наконец, потому что в первой формуле только одно подлежащее и одно сказуемое, как ясно, а во второй найдутся два подлежащих и два сказуемых. Ибо «сказанное», или, вернее сказать, глагол «сказанного», поскольку он нечто высказывает, есть главное подлежащее, модус — главное сказуемое; в самом же «сказанном» содержится другое подлежащее и другое сказуемое, которые должно считать менее главными. Но мы, опустив первую формулу, поскольку она менее употребительна, по крайней мере в модальных из возможного и невозможного, будем рассматривать вторую вместе с Аристотелем; и сначала скажем о количестве, качестве и материи модальных, затем три их состояния — противоположение, равнозначность и обращение — изложим с возможно большей краткостью и ясностью.

Глава X. О качестве, количестве и материи модальных.

Поскольку, итак, в модальные эти формулы два подлежащих и два сказуемых, необходимо получается, что двойственно их сущностное качество, количество и материя. Одно качество усматривается в утверждении и отрицании модуса; другое — в утверждении и отрицании сказуемого, которое содержится в «сказанном». Первое, однако главное. Отсюда родилось то деление модальных на те, которые отрицают и то, и другое: как «человеку не быть животным — не есть случайное»; на те, которые утверждают модус и отрицают сказуемое «сказанного»: как «человеку не быть грамматиком — есть возможное»; и на те, которые отрицают модус и утверждают сказуемое «сказанного»: как «человеку быть грамматиком — не есть невозможное». Но поскольку главное качество следует учитывать преимущественно, высказывания, которые утвердили модус, должны называться просто утвердительными, а которые его отрицали — отрицательными, будет ли «сказанное» утвердительным или отрицательным. О привходящем же качестве, то есть об истине и лжи модальных, следует сказать так: модальные действительно истинны или ложны (поскольку все они причастны природе высказывания, которое определяется через обозначение истинного или ложного), однако те, которые истинны, никогда не могут быть ложными, а которые ложны — никогда не могут быть истинными; и потому все они либо необходимые, либо невозможные. Например, все эти необходимы: «человеку быть животным — есть необходимое», «человеку быть грамматиком — есть случайное», «человеку умереть — есть возможное», «человеку быть камнем — есть невозможное»; потому что они истинны так, что никогда не могут быть ложными. А эти: «человеку быть животным — не есть необходимое», «человеку быть грамматиком — не есть случайное», «человеку умереть — не есть возможное», «человеку быть камнем — не есть невозможное»; потому что они ложны так, что никогда не могут быть истинными. Итак, поскольку все модальные, которые могут быть выражены, либо истинны тем способом, либо ложны этим, нет сомнения, что все они необходимы или невозможны.

Что же касается количества, одно усматривается в главном подлежащем, другое — в менее главном. И действительно, в менее главном подлежащем, то есть в «сказанном», находится всякое количество абсолютных высказываний: общее, частное, неопределённое и единичное. Поэтому с этой стороны модальные обычно называются либо общими: как «всякому человеку быть животным — есть необходимое»; либо частными: как «некому человеку быть грамматиком — есть случайное»; либо неопределёнными: как «человеку умереть — есть возможное»; либо единичными: как «Сократу быть камнем — есть невозможное». В главном же подлежащем, которое есть глагол «сказанного», находится то количество, которое свойственно глаголам, а именно количество времени, которое двойственно: общее или частное. Общее распределяет глагол на всё время, частное — на некоторое время. И общее обозначается модусами «необходимое» и «невозможное»; частное — двумя остальными. Ибо необходимое всегда полагает вещь, невозможное всегда снимает. Случайное то полагает, то снимает. Возможное же так полагает вещь, что, сколько от него зависит, допускает, что вещь когда-нибудь не будет. Итак, необходимое, невозможное, случайное и возможное ведут себя в модальных так же, как те знаки «всякий», «никакой», «некий не» и «некий» в абсолютных: разве что знаки обозначают числовое количество, а модусы — количество времени. Отсюда происходит, что как при предположении отрицания общие знаки становятся частными, а частные — общими, как сказано выше, так и модусы общие становятся частными, а частные — общими. Итак, «не необходимое» и «не невозможное» — частные модусы. «Не случайное» же и «не возможное» — общие, как «не всякий» и «не никакой» — частные, а «не некий» и «не какой-либо» — общие знаки, как мы сказали. И не удивляйся тому, что я сказал: это количество времени усматривается в глаголе «сказанного» и однако обозначается через модус, который сказывается о глаголе

«сказанного». Ибо модус имеет и то, что он сказуемое, и то, что он исполняет должность синкатегоремата, обозначающего количество времени, как знаки абсолютных высказываний обозначают количество множества. Поскольку, итак, это количество главное в модальных, не без основания Аристотель обычно помещает модусы в начале таких высказываний, чтобы тотчас количество их можно было познать с самого начала, как в абсолютных понимается из предпосланных знаков. Поэтому почти так Аристотель произносит модальные высказывания: «Необходимо есть человеку быть животным». «Случайно есть Сократу быть грамматиком». «Невозможно есть Сократу быть камнем», и так остальные: не для того, конечно, чтобы из модусов сделать подлежащие, а из «сказанных» — сказуемые, но чтобы их собственное количество, как мы сказали, и потому главное качество тотчас явилось. Поэтому мы в дальнейшем будем пользоваться этим родом речи.

Что, наконец, касается материи, одно усматривается между модусом и «сказанным»; другое — между сказуемым «сказанного» и подлежащим «сказанного». И это последнее тройственно: необходимое, случайное и невозможное, как в абсолютных высказываниях. То же, которое собственно принадлежит модальным, двойственно. Ибо поскольку всякий модус, который однажды присущ некоторому «сказанному», не может ему не быть присущ, и всякий, который когда-нибудь не присущ, не может когда-либо ему соответствовать, — получается, что всякое отношение модуса к «сказанному» есть либо необходимого сказуемого, либо невозможного; и так главная материя модальных либо необходима, либо невозможна, но никакая не случайна. Из этого как бы корня рождается то, что мы сказали немного выше: всякое модальное высказывание необходимо или невозможно.

До сих пор мы говорили о качестве, количестве и материи модальных; теперь скажем о взаимном их отношении, то есть об их противоположении, равнозначности и обращении. Но сначала, по совету Аристотеля, оставим модальные из случайного, чтобы их непостоянство не *perturbало* последующее рассуждение. Ибо их природа и условие столь разнообразны, что они едва соблюдают с другими модальными закон противоположения или равнозначности. Поэтому, кроме конца, мы ничего об этом роде не скажем.

Глава XI. О противоположении модальных.

Модальные противоположные либо состоят из модуса одного и того же названия: как «необходимо есть Сократу сидеть», «не необходимо есть Сократу сидеть»; либо разного: как «необходимо есть Сократу сидеть», «возможно есть Сократу не сидеть». Мы же скажем о противоположении только тех, которые состоят из модуса одного и того же названия, поскольку, изъяснив это, легко из равнозначности всех между собой, которую передадим, поймёшь противоположения тех, которые состоят из модусов разных названий. Скажем же одновременно и о подчинённых, потому что хотя они и не противоположные, однако их рассмотрение соединено с рассмотрением противоположных и немало содействует их изъяснению. Но поскольку противоположные модальные либо из единичного «сказанного», противоположение которых весьма легко познаётся, либо из общего, рассмотрение которых труднее, — я изъясню начинающим противоположение только первого рода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.